

«ЕСЛИ МНЕ БЫЛ ОТПУЩЕН КАКОЙ-ТО ПОЛЕТНЫЙ РЕСУРС, ТО Я В МАКСИМАЛЬНОЙ МЕРЕ ЕГО ИСЧЕРПАЛ, РАБОТАЯ В ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ». ВОСПОМИНАНИЯ Ю.П. ГУСЕВА

Аннотация

По просьбе редакции журнала «Славянский мир в третьем тысячелетии» о своей жизни и пути в науке рассказывает Юрий Павлович Гусев (род. 1939), доктор филологических наук, известный исследователь и переводчик венгерской литературы. Ю.П. Гусев родился и вырос на Урале. После окончания филологического факультета МГУ проработал два года учителем русского языка и литературы в венгерском селе в Закарпатской области Украины, прекрасно овладев венгерским языком. Окончив аспирантуру Института мировой литературы АН СССР, он стал сотрудником этого института и трудился в нем до начала 1990-х годов, пройдя путь от младшего до ведущего научного сотрудника. Четверть века его деятельность была связана с Институтом славяноведения РАН, где он трудился в 1994–2019 гг. в должности ведущего научного сотрудника. С начала 1970-х годов Юрий Павлович совмещает свою научно-исследовательскую работу с активной деятельностью в качестве переводчика венгерской художественной литературы, как классической, так и современной. За свои заслуги в области перевода и изучения венгерской литературы Ю.П. Гусев был удостоен государственных наград и престижных премий Венгрии. Ю.П. Гусев рассказывает о своем детстве во время войны и в первые послевоенные годы, юности, учебе в Московском университете и о студенческих впечатлениях, о своей работе в Институте мировой литературы и Институте славяноведения, о своих многочисленных поездках в Венгрию и общении с венгерскими коллегами. Он также делится своим мнением о развитии российской унгаристики и о возможностях дальнейшего диалога двух культур.

Ключевые слова

Московский университет, Институт мировой литературы РАН, Институт славяноведения РАН, история венгерской литературы, художественный перевод, русско-венгерские литературные, культурные и научные связи

Статья поступила в редакцию 5 февраля 2023 г.

Статья доработана автором 22 февраля 2023 г.

Статья принята в печать 13 июня 2023 г.

Цитирование: *Гусев Ю.П.* «Если мне был отпущен какой-то полетный ресурс, то я в максимальной мере его исчерпал, работая в Институте славяноведения». Воспоминания Ю.П. Гусева. *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2023. Т. 18. № 1–2. С. 175–214. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.1-2.11>

Текст подготовлен при поддержке РФФИ, проект № 21-59-23002 «Советско-венгерские научные связи в сфере гуманитарных наук: каналы коммуникаций, интеллектуальное присутствие, трансфер идей (1945–1991)». Беседовал и подготовил текст к публикации А.С. Стыкалин.

“IF I WAS GIVEN SOME KIND OF FLIGHT RESOURCE, THEN I EXHAUSTED IT TO THE MAXIMUM EXTENT, WORKING AT THE INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES”. THE MEMOIRS OF YU. P. GUSEV

Abstract

At the request of the editors of the *Slavic World in the Third Millennium*, Yuri Pavlovich Gusev (born in 1939), Doctor of Philology, a well-known researcher and translator of Hungarian literature, speaks about his life and path in science. Yu.P. Gusev was born and raised in the Urals. After graduating from the Faculty of Philology of Moscow State University, he worked for two years as a teacher of Russian language and literature in a Hungarian village in the Transcarpathian region of Ukraine, having perfectly mastered the Hungarian language. After post-graduate studies in the Institute of World Literature of the Academy of Sciences of USSR, he became a member of that Institute and worked there until the early 1990s, rising from junior to leading researcher. A quarter of a century of his activity is associated with the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, where he worked in 1994–2019 as a leading researcher. Since the early 1970s, Yuri Pavlovich has been actively combining his research work with his work as a translator of Hungarian fiction, both classical and contemporary. For his merits in the field of translation and study of Hungarian literature Yu. P. Gusev was awarded prestigious state awards and prizes in Hungary. Yu. P. Gusev talks about his childhood during the war and in the first post-war years, his youth, studies at the Moscow University and his impressions of those times, his work at the Institute of World Literature and the Institute of Slavic Studies, his many trips to Hungary and communication with Hungarian colleagues. He also shares his opinion on the development of the Hungarian studies in Russia, the possibilities for further dialogue between the two cultures.

Keywords

Moscow University, Institute of World Literature RAS, Institute of Slavic Studies RAS, history of Hungarian literature, literary translation, Russian-Hungarian literary, cultural and scientific ties

Received 5 February 2023.

Revised 22 February 2023

Accepted 13 June 2023

How to cite: Gusev, Yu.P., 2023. “Esli mne byl otpushchen kakoi-to poletnyi resurs, to ia v maksimal'noi mere ego ischerpal, rabotaia v Institute slavianovedeniia”. *Vospominaniia Yu. P. Guseva* [“If I Was Given Some Kind of Flight Resource, then I Exhausted It to the Maximum Extent, Working at the Institute of Slavic Studies”]. *The Memoirs of Yu.P. Gusev*. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 18 (1–2), pp. 175–214. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.1-2.11>

The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 21-59-23002 “Soviet-Hungarian scientific relations in the field of the humanities: communication channels, intellectual presence, transfer of ideas (1945–1991)”. Interviewed and prepared the text for publication by A.S. Stykalin.

А.С. Стыкалин. *Юрий Павлович, вы родились в январе 1939 года в Пермской области, теперь этот регион называется Пермский край. Расскажите о детстве, о семье, о ваших корнях. Едва ли ошибусь, если скажу, что вы относитесь к поколению, чьи самые ранние детские впечатления пришли на конец Великой Отечественной войны. Что-то, наверное, осталось в памяти? Было ли в раннем детстве осознание того, что в мире происходит что-то аномальное, определяемое словом «война»? Может быть, запомнился и День Победы. И конечно, первые послевоенные очень голодные годы...*

Ю.П. Гусев. Не зря, наверное, размышляя о своей (прожитой или, пускай, наполовину прожитой) жизни, люди (во всяком случае, те, кому свойственно погружаться в это неблагодарное занятие — размышление о своей жизни) охотно пользуются возможностью видеть в себе представителей не только какой-либо нации, сословия и т.д., но и какого-либо поколения. Некоторые поколения в нашей недавней истории очень даже, как говорится, на слуху. Например, поколение первых пятилеток, военное поколение. А как импозантно звучит: поколение шестидесятников!.. Стремление (пускай даже неосознанное) чувствовать себя частью чего-то большого, значительного, вообще присуще человеку: оно является одним из общедоступных способов самоутверждения, придает индивиду уверенности, а значит, помогает жить. (Какой-нибудь распоследний, вконец опустившийся алкаш, ударив себя кулаком во впалую грудь и сипло проорав — или мысленно воскликнув — «Я — русский народ!», — обязательно ощутит прилив энергии и, расpiraемый чувством собственного достоинства, отправится добывать денег на очередную выпивку.)¹ Так что твердое сознание своей принадлежности к какому-либо поколению — вещь драгоценная, оно помогает людям хоть немного приблизиться к достижению того, что называется смыслом жизни. То есть является одним из факторов, условий счастья.

Мне такого счастья — не было дано.

К довоенному поколению, понятное дело, я никак не могу относиться: поздно вато родился. Но и к военному тоже: война, конечно, определяла наш с матерью быт, образ жизни (наш с матерью, потому что отец из нашей жизни рано — мне, наверное, года четыре было — исчез, развелся с матерью), но разве я в состоянии был понять, что это из-за войны мы едим в основном одну вареную картошку, и то мелкую (я это хорошо запомнил, потому что приходилось чистить ее, то и дело задумываясь, выковыривать ли глазки и почерневшие места), да хлеба вовсе не досыта. Или — почему

¹ Почему-то меня часто упрекают в том, что в моих текстах слишком много скобок и тире. Но я ведь не нарушаю при этом правил русской орфографии или синтаксиса! Кто-то, скажем, имеет привычку постоянно теревить себе мочку уха. И что? Не одергивают же его за это. Он, в конце концов, свое ухо теревит, а не чужое. Если бы мои скобки и тире мешали понимать то, что я хочу сказать, — тогда другое дело (Примечание Ю.П. Гусева).

в доме, над третьим этажом, где мы какое-то время жили, торчали обугленные обломки следующего, четвертого этажа. Дело было в Туле, куда отца направили преподавать в Суворовском училище — в действующую армию он не попал (мне запомнилось с тех пор неприятное словосочетание — костный туберкулез), там-то у них с матерью, очевидно, и назрел разрыв. Или — как это получилось, что в однокомнатную квартиренку, где жили мы с матерью и еще одна женщина (помню ее имя: тетя Липа) с дочерью примерно моего возраста, однажды стал ломиться какой-то офицер (теперь-то я догадываюсь, что ему, видимо, дали там жилье, а мы, скорее всего, жили там не вполне законно), и мы, все четверо, орали от страха и плакали, и офицер этот в конце концов выломал дверь, и, помню, сидел потом, не сняв шинели, угрюмый, у стола, думая, видимо, что ему делать с этими двумя женщинами и двумя детишками — не выгонять же их на улицу! — а рядом на полу лежал его вещмешок, и он нагнулся и достал из него и дал нам, маленьким, по конфете в цветной обертке, и мы не смогли устоять, перестали реветь и, боязливо косясь на матерей, взяли это чудо... И вот еще: почему в детском садике («детсад детей офицеров» — так мне запомнилось, — видимо, ходил я туда благодаря отцу) один толстый мальчишка, которого все звали Жирный, очень горячо убеждал нас, что самое полезное и вкусное у селедки — это голова (теперь-то я понимаю, что он был, скорее всего, не толстый, а опухший от недоедания, — но я еще долго, уже взрослым, первым делом старался съесть из порезанной селедки именно голову).

Но все это, повторяю, такие детали, которые я в том возрасте воспринимал как нечто совершенно естественное, не подозревая, что может быть и по-другому. Так что война как таковая, как (позвольте выразиться по-ученому) базовый фактор — в моем сознании не присутствовала. А без этого можно ли говорить о себе как представителе военного поколения?

Правда, день победы — точнее, момент, когда мне об этом стало известно, — я помню. Я проснулся (мы с матерью жили уже в Тагиле), в окно било солнце, мама была дома, она стояла у комода, причесывалась. Увидев, что я проснулся, улыбнулась и сказала: «Юра, война кончилась!»

Правда, в жизни у нас ничего не изменилось. Мать, работая медсестрой, дежуря часто по две смены подряд, получала какие-то пустяки, на еду едва-едва хватало. Мы с соседскими ребятами осваивали окрестности, ближе к осени бродили по огородам, подкапывали сбоку кусты картошки и, если удавалось добыть пару клубней, сжирали их прямо сырыми. Да, занятие было опасное: не дай Бог, хозяева поймают. Зато после того как хозяева соберут урожай, огороды были в полном нашем распоряжении. То есть — были *бы*: тут приходили взрослые (в основном рабочие, у которых не было своего огорода) и тщательно перекапывали грядки, ища в земле случайно оставшуюся картошку. А однажды мы наткнулись на россыпь белых мягких шариков (теперь я знаю, что это были дождевики... или шампиньоны? — удобряли огороды коровьим навозом, так что шампиньоны тоже,

пожалуй, могли вырасти... но скорее все же дождевики), и кто-то сказал, что их можно есть, и мы тут же съели — и ничего.

В Центре (там было трамвайное кольцо, откуда ходили трамваи черт-те куда, на Вагонку, то есть в поселок при Уралвагонзаводе, и на Тагилстрой — поселок при Metallургическом комбинате, а рядом с кольцом, недалеко друг от друга, находились два кинотеатра, «Горн» и «Искра», — туда мы, спустя пару лет, прорывались без билета смотреть «Тарзана»), возле скверика на углу в хорошую погоду сидел на табуретке одноногий инвалид в заношенной гимнастерке, играл на гармошке и пел про лейтенанта, который «после яркой атаки написал о себе всё домой». Что же он написал? — «Дорогая жена, я калека, у меня нет обеих ног». И так далее. А вот что ответила ему жена: «Милый муж, я письмо получила, и не знаю, тебе что писать. Оно сильно меня огорчило, и решила я с горя гулять». Дальнейшие перипетии у меня в памяти не очень сохранились, но письмо лейтенанта явно было, что называется, проверкой на вшивость. Последние строчки песни звучали так: «...поезд словно на крыльях летит. В этом поезде счастье и горе, лейтенант там с дочуркой сидит». Что ж, действительно недостойна такая женщина воспитывать дочь. Люди, слушавшие инвалида, стояли насупленные, переживали за лейтенанта, но монеты в шапку падали скупо: не было у народа лишних монет.

Жили мы с мамой у ее сестры, тети Веры, вдовы (муж погиб на фронте). Вообще промышленный город Нижний Тагил был гнездом семьи Истоминых: мать была одиннадцатой, самой младшей из братьев и сестер (и прожила она, несмотря на тяжелую, нескладную жизнь, дольше всех, умерла девяноста восьми лет, совсем недавно). Тетя Вера как-то показала мне приземистое длинное кирпичное строение в соседнем переулке: там была, если я правильно помню, гвоздильная мастерская, которой владел дед. Но XX век все растоптал, разметал. Дед и бабушка, как мне рассказывала мама, однажды поехали куда-то на поезде (это были годы гражданской войны) — и не вернулись, пропали бесследно. Из одиннадцати братьев и сестер кто-то умер от болезни, кто-то покончил с собой (неизвестно почему), другие разъехались: тетя Оля оказалась в Губахе (есть, оказывается, такой город в Пермской области), тетя Валя — в Краснодаре, тетя Нюта — аж в Норильске, тетя Женя — в Кандалакше (город на Кольском полуострове; муж у тети Жени был геодезистом). В Тагиле, кроме матери и тети Веры, оставался единственный уцелевший из братьев, дядя Миша, маленький, носатый, морщинистый, сильно пьющий мужичок (он скоро умер). Через пару лет в Тагил вернулась и тетя Женя; с ее сыном, Вовкой, который был младше меня на год, мы дружили всю жизнь, он и в Москву потом перебрался. Но все мы, тагильчане, жили в почти одинаковой бедности, граничащей с нищетой. Сейчас мне самому трудно в это поверить, но дома у нас не было абсолютно никаких часов: ни наручных, ни каких-нибудь ходиков. Когда я пошел в школу, время мы определяли по заводским

гудкам: видимо, гудок означал начало смены. Однажды (помнится, в разгар зимы) все, как обычно, проснулись, меня одели, укутали, отправили, я побрел (школа была километрах в полутора), прихожу, а двери школы закрыты, кругом ни души, тьма; пришлось брести обратно. Оказалось, гудок то ли кому-то приснился, то ли был каким-то внеочередным, а на самом деле было всего часов пять утра. Я вернулся, заснул — и в результате опоздал на целый урок.

Кстати, о гудках. Когда температура на улице была ниже сорока, заводы гудели как-то особенно долго и настойчиво, а мы слушали и радовались: значит, школьникам первых четырех классов можно оставаться дома.

О недавно закончившейся войне напоминали не только инвалиды и пленные немцы, которые рыли какую-то канаву на соседней улице. Осколком войны мне представляется наша училка во втором классе (ее единственную я и запомнил из начальной школы). Высокая, белокурая (нордической внешности, сказал бы я сегодня), она приучила нас вставать из-за парты на счет четыре: раз — вскочил, два — повернулся направо или налево, три — сделал шаг из-за парты, четыре — повернулся лицом к доске. Восхитительное, должно быть, было зрелище: сорок два маленьких оболтуса синхронно и четко совершают механические движения. С ума можно сойти! Мы ее обожали...

Так, может, причислить себя к послевоенному поколению? Хм... Нет, вряд ли. Не было, опять же, сознания особости. То, как мы жили, выглядело совершенно естественным. Другого мы не видели и не знали. Смело могу утверждать: весь Тагил жил впроголодь, обитал в бревенчатых домишках или в бараках, ходил замызганный, оборванный, стоял в очередях, отоваривался по карточкам, потом без карточек, но все равно в очередях. Если бы очереди были только после войны, тогда я мог бы сказать: принадлежу к тому поколению, которое стояло в очередях. Но очереди у нас оставались обычными и естественными где-то до 91-го года. Очень многие наши современники родились и умерли, не узнав, что продукты и вещи можно покупать просто: пришел в магазин и купил, — лишь бы денег хватило.

Нет, не отношусь я к послевоенному поколению. (Разве что считать послевоенными все четыре с половиной десятилетия, прошедшие после 1945 года?)

Мне начинает казаться, что поколенческая промежуточность влечет за собой «промежуточность» (точнее, может быть, сказать: переходность) и в других отношениях. Взять хотя бы принадлежность к тому, что называется сословие. Или — социальный класс. Или, совсем уж мудрено, страта.

А. С. Ваш отец был учителем русского языка и литературы. Интерес к литературе, к чтению передался от отца? Расскажите и о вашей школе. Судя по тому, что по окончании школы в уральской глубинке вы сразу поступили на филфак МГУ, у вас были неплохие учителя, да и доступ к неплохим библиотекам...

Ю. Г. Отец мой, который меня не воспитывал, но, наверное, передал мне свои гены (и еще — врожденный дефект зрения, дальновзоркость, которая, если кто не знает, ничего общего ни с зоркостью, ни с дальновидением не имеет), происходил из крестьян, но вышел в интеллигенты: был сельским учителем (в селе Ножовка я и имел удовольствие появиться на свет), преподавал в Суворовском училище (в упомянутой выше Туле), а после войны заведовал детским домом в родном городе Оса (есть такой город в Пермском крае), потом там же возглавлял районо. (Интересная вещь: хотя умер он где-то в 60-х годах, задолго-задолго до появления компьютеров и интернета, но я совсем недавно нашел в интернете два сайта с его — очень краткой, к сожалению — биографией и благодарными письмами нескольких воспитанников того детдома. Видимо, заметным гражданином города Оса был мой отец.) Профессия матери, медсестра, — это интеллигентская профессия?.. Что не рабочая, это факт. Но мать, помыкавшись со мной лет пять или шесть, нашла нового мужа. Вот уж кто был рабочий на все сто сорок шесть процентов! Он умел все: работал слесарем, каменщиком, сварщиком, плотником, столяром... и даже, как выяснилось позже, в молодости — поваром-кондитером. И выпить любил — какой же рабочий без этого! При этом был украинцем с хорошей украинской фамилией Тимченко. В веселом настроении, под хмельком, охотно вворачивал в разговор украинские слова и целые фразы...

Откуда в Нижнем Тагиле взялся украинец? Ну, в Нижнем Тагиле разного народа было много, на тамошних заводах рабочая сила всегда требовалась. С началом войны туда перевезли из Поволжья немцев; немцы учились и у нас в классе, я до сих пор помню две немецкие фамилии: Шааб и Рейх (первый был ражий детина, хулиган и двоечник, второй — молчаливый, грустный, какой-то пришибленный, — сейчас я думаю, это у него была какая-то форма аутизма). Встречались еще корейские, эстонские фамилии; много татар... Но главной причиной многонациональности здешнего населения, думаю, было вот что: Нижний Тагил — город, где размещалось (да и сейчас, кажется, размещается) несколько огромных зон («исправительно-трудовых колоний»), и большинству эков, отбывших срок, запрещалось ехать на родину, они оставались в Тагиле, где могли получить работу и жилье. Из эков вышел и мой отчим. Конечно, я постеснялся бы это написать, будь он уголовником, — но я сам был свидетелем того, как ему (уже где-то в конце 90-х) выдали документ о реабилитации. То есть он был из тех, кого в конце 30-х годов гребли по всему Союзу, выполняя спущенные из Москвы разнарядки. А что ему сломали жизнь — кого в России это интересует! Ломали, ломают и будут ломать — новым и новым миллионам. Мы привыкли.

Короче говоря, если отцовские гены и выволокли меня в ту общественную среду, которую в какой-то степени можно отождествить с интеллигенцией, то душой, менталитетом (кто бы знал, что это такое!) я дол-

го, до середины жизни оставался там, в низах, в мешанине, состоящей из работяг-выпивохов, бывших зэков, вчерашних мужиков, сбжавших от колхозного рабства, всякого рода обслуги и прислуги (медсестры, мне кажется, тоже сюда относятся). Это — та огромная масса, к которой более всего подходит понятие «народ». В наши дни придумали словосочетание «глубинный народ»; оно, может быть, и уместно — действительно же, это — толща населения, до самых глубин, — только вот политический смысл этому словосочетанию зря придают. Глубинный народ живет, движимый простыми потребностями: работать, чтобы содержать семью, скрашивать будни выпивкой и каким-никаким застольем, иногда отдыхать, собирая грибы или купаясь. Начальство, от начальника цеха до самых-самых верхов, для этого народа что-то чуждое и враждебное, он особо о нем и не думает: чего о нем думать, начальство само по себе, мы сами по себе. Политической позиции у глубинного народа нет, есть только мнения, которые формируются тем, что он слышит по радио (теперь — по ящику). Эти мнения он высказывает, когда заходит речь о политике, но высказывает между своими, — с чужими же этих материй касается неохотно и скупно. Когда жизненный опыт или какие-то события заставляют его задумываться, *почему* так или этак, *почему* то-то и то-то, он перестает быть глубинным народом. А чем становится? Интеллигенцией? Ну, вряд ли. Просто — homo sapiens. А останется ли тот или иной человек рабочим, землепашцем, курьером, медсестрой — или потянется к какой-либо форме умственного труда, это не так существенно. Есть и учителя, и врачи, и даже большие начальники, которые никогда не затрудняют себя вопросом *почему*.

Мне кажется, показательна та реакция, с какой мы — то есть я и все, кого я имел в виду вокруг себя, — встретили смерть Сталина.

А. С. Это март 1953 года. Кто-то из современников вспоминает чувство беззащитности от внешних угроз, испытанное их близкими, — настолько велика была вера в вождя, насаждавшаяся пропагандой. Другие, напротив, говорят о чувстве облегчения...

Ю. Г. Я был тогда то ли в шестом, то ли в седьмом классе. Ну да, нас всех построили в широком школьном коридоре на траурную линейку, звучала печальная музыка, кто-то что-то говорил, потом всех отпустили по классам и уроки продолжились. Возможно, кто-то искренне горевал, кто-то злорадствовал; вокруг меня никаких особых переживаний не было. Дома тоже речь шла об обыденном. А ну их, это их дело, начальства, — так, я уверен, думали (или не думали, а чувствовали) массы. Ну конечно, если спросить, то человек ответит, как положено: скорбь, потрясенность, то, се...

Всплывать из гущи глубинного народа я начал, конечно, с поступлением в университет. Отцовские гены проявились еще в школе: у меня хорошо получались сочинения по литературе. А однажды учитель немецкого (фамилия у него была вроде и немецкая, но не очень — Штерба; наверное,

он тоже был из перемещенных на Урал) велел нам, кто хочет, перевести на русский стихотворение Гейне «Я хочу подняться в горы». Никто не захотел, а я почему-то решил перевести. Штерба был невероятно этим удивлен. Он прочитал мой перевод перед классом и сказал, что это очень здорово — если, конечно, я это не содрал откуда-то. (Ядовитый мужичок был этот Штерба; но немецкому он учил плохо, я его до сих пор не знаю по-настоящему.) В общем, после таких успехов я, наивный и глупый, замахнулся на Московский университет, на филологический факультет. У меня была серебряная медаль, так что из вступительных экзаменов мне предстояло сдавать только один — писать сочинение. Я бодренько его написал, получил четверку, конкурс был большой, мне ничего не светило. Но в приемной комиссии оказалась очень хорошая женщина, Елена Федоровна Васеко (одну руку она потеряла в Сталинграде; недавно я узнал, что она прожила 94 года и умерла в 2017-м), она сказала мне, что если я не претендую на общежитие, то меня зачислят. Ну, я согласился. Но жить-то где-то надо было! И вот мы с одним таким же условно зачисленным (по фамилии Коваленко, а имя я забыл) стали ходить по окрестностям (гуманитарные факультеты были тогда на Моховой) и спрашивать, не сдается ли угол. Первым делом пошли на улицу Грановского: это было ближе всего. Там был один такой высокий красивый дом; люди во дворе посмотрели на нас с удивлением, но не обругали, а вежливо послали подальше, хотя вполне могли бы обругать (москвичи, вероятно, знают, что это за дом; я как-то проходил мимо и увидел садящегося в машину маленького тучного человека, очень похожего на Ворошилова). Самое удивительное, что угол мы нашли-таки, причем именно на улице Грановского, в другом, правда, доме; точнее сказать, это была крохотная комнатенка без окон, где помещалась одна широкая кровать и тумбочка.

Через полгода мы получили общежитие на Стромьнке.

Вот так, дуриком, я попал в кабину социального лифта, который со скрипом стал выволакивать меня из недр глубинного народа.

Дело шло медленно. Венгерских событий осени 1956 года мы даже не заметили...

А. С. После того как венгерские студенты вышли на улицу под лозунгами перемен, настроения в студенческой среде, особенно московской и ленинградской, очень беспокоили наше партийное руководство. Это нашло отражение даже в партийных постановлениях. Особенно известно так называемое «дело Краснопевцева», когда несколько аспирантов и старшекурсников МГУ, молодых историков, на основе осмысления венгерского опыта приходят к выводам, которые властям казались крамольными. Шьются уголовные статьи, некоторые молодые люди, жившие там же, на Стромьнке, получают сроки.

Ю. Г. Во всяком случае, я говорю о первокурсниках, а точнее, о тех первокурсниках, с которыми я общался. Мозги у нас заняты были совсем другими вещами: надо было вникать в какие-то совершенно новые материи,

Юрий Гусев в юности
Yuri Gusev in his youth

учиться слушать и записывать лекции, заниматься в библиотеке, готовиться к семинарам. Надо было привыкать к новому образу жизни, создавать для себя новый быт, свыкаться с незнакомыми, по-иному воспитанными людьми, которые тебя окружали...

Из всего первого курса мне больше всего почему-то запомнился один эпизод. Мы сидим в Коммунистической (сейчас она, кажется, стала Академической) аудитории, на лекции Рубена Александровича Будагова², он читал

² Будагов Рубен Александрович (1910-2001) — специалист в области общего и романского языкознания, член-корреспондент РАН (1970). Зав. кафедрой романской филологии МГУ (1952-2000).

нам Введение в языкознание, читал эффектно, немного даже театрально, мы любили его слушать. Где-то в середине часа внизу слева открывается дверь — и по ступенькам медленно восходит высокая сутулая фигура в длинном черном пальто. Будагов, слегка опешив, спрашивает: «Простите, вы к кому?» Фигура, не обращая на него внимания, выбирает ряд, усаживается и раскладывает перед собой бумаги. Будагов, взяв себя в руки, продолжает лекцию.

Так я познакомился с Сережей Аверинцевым³. Нет, конечно, познакомились мы с Сергеем Сергеевичем лишь лет двадцать спустя, в ИМЛИ, а в тот раз я узнал о его существовании, потому что в рядах стали шушукаться, кто, мол, такой, и кто-то знающий сообщил: это наш курс, античная группа.

Другой наш именитый сокурсник, Александр Евгеньевич Кибрик⁴ (тогда просто Саша Кибрик), как-то увлекся производством маленьких любительских фильмов (у него была кинокамера). Один такой фильм я запомнил. Вот его сюжет. В читальном зале библиотеки, на столе, студенты находят — видимо, кто-то выронил — фотографию очень красивой девушки. И загораются желанием вернуть ее рассеянному владельцу: горюет же, поди, человек. Поисковая группа развивает бурную деятельность, опрашивая весь доступный контингент филфака, совершая экспедиции в общежитие на Стромынке; студенческий юмор, понятное дело, в фильме бьет ключом. Поиски заходят в тупик. В конце концов энтузиасты обращаются даже к Сереже Аверинцеву; — для очистки совести, потому что его, с головой зарывшегося в книги, заподозрить в романтических побуждениях никому в голову не приходило. Но Сережа-то и оказывается искомым владельцем фотографии. Со своей знаменитой меланхолической, немного смущенной улыбкой он сообщает: это — актриса, которая играла Клитемнестру в пьесе Эсхила (или Софокла, уж не помню)⁵.

А. С. Интерес к Венгрии, ее литературе, культуре, к тому, что потом стало делом вашей жизни, проявился уже в студенческие годы? Знаю, что вы уже в те годы в Москве начали изучать венгерский язык.

Ю. Г. О Венгрии, о том, что Венгрия, венгерская литература станет главным объектом моих интересов, моей профессией, я в то время, разумеется, и думать не думал. В общежитии среди прочих, как тогда говорили, «демократов» были, конечно, и венгры, но среди других они не особенно выделялись; заметнее всех были почему-то албанцы. На третьем, на чет-

³ Аверинцев Сергей Сергеевич (1937–2004) — филолог, историк философии и культуры, переводчик. Академик РАН (2003). Мировую известность получили его работы по истории античной и византийской литературы, философии, культуры.

⁴ Кибрик Александр Евгеньевич (1939–2012) — лингвист широкого профиля. Член-корреспондент РАН (2006). В 1992–2012 гг. зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики МГУ.

⁵ Персонаж древнегреческой мифологии. Упомянута в «Илиаде» и «Одиссее» Гомера. Действующее лицо трагедий Эсхила, Софокла, Еврипида. В более позднее время судьба Клитемнестры послужила сюжетом для трагедий Ж. Расина и Ж.-П. Сартра.

вертом курсе меня стали интересовать языки; я даже подумывал (подходило время, когда каждый должен был выбрать специализацию), не пойти ли мне в лингвисты. На факультете была куча языковых кружков, я сунулся в итальянский, в польский, в болгарский. Группа наша учила французский; очаровательная преподавательница, Ольга Сергеевна Арутюнян, крепко привила нам вкус к французскому; потом, когда она почему-то ушла от нас, я даже стал ходить на ромгерм, в тамошнюю французскую группу, чтобы узнать побольше (до сих пор помню выученные там стихи Верлена). А летом, между четвертым и пятым курсами (не помню, почему я не поехал тогда домой, — кажется, потому, что подрабатывал на стройке; позже, восстанавливая события, я обнаружил, что строили мы китайское посольство), мы подружились с Борисом Огибениным (будущий индолог, с 1974 года живет во Франции) и все время разговаривали с ним только по-французски⁶. А потом я забрел в венгерскую группу — и застрял там.

Почему? А черт его знает. Случайно. Хотя иногда я пытаюсь объяснить это тем, что предки мои — по крайней мере, по отцовской линии — могли быть финно-уграми: унаследованные от них гены и заставили меня остановиться на венгерском языке. Ведь вся северная часть нынешней европейской России была в древности заселена финно-угорскими племенами, большинство которых со временем обрусело. А когда я узнал, что тотемами финно-угров очень часто были птицы, я и фамилию свою стал объяснять этим обстоятельством. Подумайте сами, сколько русских носят «птичьи» фамилии...

А может быть, это всего лишь такой самодельный миф, сотворенный для самого себя. Предков своих мы, выросшие при советской власти, почти не знаем, — вот и появляется подсознательная потребность сотворить свою предысторию.

Как бы то ни было, занятия в кружке венгерского языка продолжались. Учила нас пожилая крупнотелая венгерка Ева Санто (потом я узнал, что она — дочь Антала Гидаша⁷; когда я, много лет спустя, увидел его большое, рыхлое лицо, я словно увидел ее, бывшую нашу преподавательницу венгерского; мать же ее была Юдит Санто, которая после развода с Анталом Гидашем долгое время была гражданской женой великого поэта Аттилы Йожефа; кстати сказать, настоящие имя и фамилия Гидаша — Дюла Санто⁸). (Была еще одна ниточка, которая позволила мне ощущать некоторую

⁶ Огибенин Борис Леонидович (род. 1940) с 1988 г. возглавляет кафедру санскрита в Страсбургском университете.

⁷ Гидаш Антал (*Hidas Antal*; 1899–1980) — венгерский пролетарский поэт.

⁸ Живя долгое время в СССР и позиционируя себя в качестве крупного венгерского поэта, Антал Гидаш прилагал усилия для того, чтобы воспрепятствовать ознакомлению советского читателя с творчеством своего великого современника, поэта Аттилы Йожефа (*József Attila*; 1905–1937), 50-летие со дня рождения которого в 1955 г. фактически не было отмечено в советской печати (включая «Литературную газету»), что вызвало не только обиду в литературных кругах Венгрии, но и неудовольствие руководителей культурной политики Венгерской народной республики.

причастность к Аттиле Йожефу. В последние годы своей жизни поэт терзался безумной — в какой-то мере и в буквальном смысле этого слова — любовью к своему врачу-психиатру, Флоре Козмуцца. Эта безответная любовь, по-видимому, стала одним из факторов, толкнувших его на самоубийство⁹. Флора же вышла замуж за поэта Дюлю Ийеша¹⁰. Когда Грузия в 1972 году отмечала — отмечала широко, гостеприимно, по-грузински — 800-летие своего великого классика, Шота Руставели, среди зарубежных делегаций была и огромная венгерская делегация, в том числе Дюла Ийеш с женой Флорой. Мы с Еленой Ивановной Малыхиной¹¹ были прикреплены к венграм в качестве переводчиков, так что я не только мог лицезреть легендарную — несколько увядшую, но сохранившую печать тонкой, необычной красоты — Флору, но и не раз сидел с ней рядом, пытаюсь представить те чувства, которые сжигали несчастного поэта. Так что, когда я увидел в Будапеште статую Аттилы Йожефа, сидящего на ступеньках набережной Дуная, какого-то неприкаянного, отчаявшегося, с бессильно опущенными большими руками, в этой его позе — позе человека, которому нечего больше ждать, — мне почудилось и воплощение безмерного краха безмерной любви...)

Ева Санто вела кружок недолго: вскоре она уехала на родину (это был период, когда многие венгерские эмигранты, жившие в СССР, возвращались в родные края; уехал и Антал Гидаш вместе с женой, Агнеш Кун¹²). Группа недолго оставалась бесхозной, у нас появился новый преподаватель, Владимир Сергеевич Байков, личность тоже в некотором смысле легендарная: в 1956-м он какое-то время находился в ближайшем окружении получившего власть Яноша Кадара — в роли переводчика и советника (и, как трудно не предположить, своего рода Савельича, поставленного присматривать за новым наместником¹³). Байков пробыл в Будапеште недолго: то ли не оправдал ожиданий, то ли необходимость в присмотре отпала, — но какие-то, не очень прозрачные связи у него оставались. В частности, их

⁹ Аттила Йожеф бросился под поезд 3 декабря 1937 г. близ Балатона.

¹⁰ Ийеш Дюла (*Illyés Gyula*; 1902–1983) — классик венгерской литературы, писал стихи, прозу, занимался публицистикой и художественным переводом. Один из идейных вождей литературно-общественного движения «народных писателей».

¹¹ Малыхина Елена Ивановна (1925–2016) — переводчица венгерской художественной литературы.

¹² Агнеш (Агнесса) Кун (1915–1990), переводчица и литературовед, была дочерью Белы Куна (1886–1938), одного из основателей венгерской компартии, видного деятеля Коминтерна (репрессирован в СССР). А. Гидаш и А. Кун тоже прошли через репрессии, но уже во второй половине 1940-х годов вернулись в литературную жизнь. Жившая в СССР с начала 1920-х годов Агнеш Кун могла до посмертной реабилитации отца в 1956 г. печататься в СССР только под псевдонимом — Анна Краснова. А. Гидаш и А. Кун вернулись в Венгрию в 1959 г.

¹³ О работе дипломата и переводчика В.С. Байкова (1916–2001) на венгерском направлении дают представление его мемуары: *Байков В.С. 1956. Венгрия глазами очевидца*. М.-СПб.: Нестор-История, 2016.

хватило, чтобы после того, как я получил диплом, устроить меня на работу в Закарпатскую область, в редакцию какой-нибудь из тамошних венгерских газет.

Как это часто (а со мной — особенно часто) бывает, дело, кажущееся простым, пошло наперекосяк. Как раз в тот момент венгерские газеты в Закарпатье были упразднены, и тамошнее начальство послало меня в сельскую школу, учителем русского языка и литературы. Правда, село было чисто венгерское, так что полное погружение в языковую среду мне обеспечили.

Ирония ситуации в том, что после обретения диплома — где черным по белому обозначена специальность: «учитель русского языка и литературы» — я был освобожден от обязательного распределения по той причине, что учителем я работать не мог из-за состояния голосового аппарата. Речи о блате или о взятке (как первым делом подумал бы человек нынешнего дня) быть не могло, ввиду полного отсутствия соответствующих знакомств, не говоря уж о деньгах; да и практики такой в те годы не было. Не подпав под распределение, я и поехал в Закарпатье. И тут — должен был идти работать все-таки по специальности, но в венгерскую школу.

Чтобы завершить тему университета и филфака, не могу не вспомнить с некоторой гордостью о том, что целых два года (на третьем и на четвертом курсах) я был постоянным участником спецсеминара о творчестве Маяковского, и вел этот семинар Виктор Дмитриевич Дувакин¹⁴. Позже, где-то в 1966 году, он прославился тем, что выступил в защиту Синявского и Даниэля¹⁵. Но на семинарах никаких диссидентских разговоров, конечно, не было, да, наверное, и быть не могло: Дувакин не являлся диссидентом, так сказать, по натуре, он стал им, мне кажется, по той простой причине, что глубоко понимал и любил настоящую поэзию¹⁶. Именно этому — в какой-то степени — я у него научился (вероятно, формулировка эта неправильна: *научиться* любить что-либо нельзя; тогда, может быть, лучше сказать: заразился). И если в студенческие годы мне удалось в чем-то по-настоящему подняться над вязкой толщей сознания глубинного народа, то, я убежден, не благодаря куче сданных истматов и диаматов, не благода-

¹⁴ Дувакин Виктор Дмитриевич (1909–1982) — литературовед, архивист. Важным направлением его деятельности явилось создание фоноархива (фонда звуковых материалов по истории русской культуры первой трети XX в.).

¹⁵ Организованный в СССР в 1965–1966 гг. судебный процесс, на котором в феврале 1966 г. были приговорены к разным срокам тюремного заключения писатели Андрей Синявский и Юлий Даниэль, опубликовавшие на Западе под псевдонимами ряд художественных произведений, которые не были пропущены советской цензурой. Обвинительный приговор вызвал возмущенные комментарии на Западе и протесты среди советской интеллигенции, ставшие вехой на пути формирования диссидентского движения в СССР.

¹⁶ Будучи уволенным из МГУ после процесса по делу Синявского и Даниэля, В.Д. Дувакин позже все же получил возможность вернуться к научной работе. Известны его записи бесед с М.М. Бахтиным.

ря проштудированным, плохо ли, хорошо ли, курсам историй всяких литератур, не благодаря разговорам о политике (вообще-то, я их не помню: то ли их не было, то ли они были очень уж поверхностными), а только благодаря полученной с помощью Виктора Дмитриевича Дувакина возможности услышать поэзию, почувствовать поэзию, прикоснуться к ее сути, ибо (тут уместно будет чуть-чуть включить регистр высокого штиля) такая возможность равнозначна возможности распечатать, высвободить дух, подмятый тяжелым советским бытием.

А. С. Работа в Закарпатье, общение с местными венграми как-то повлияли на ваше становление как унгариста?

Ю. Г. Неполные два года, проведенные в Закарпатье, я не слишком люблю вспоминать. Совершенно непривычная (хотя и не враждебная, нет, совсем нет, — ко мне относились скорее с осторожным и в общем доброжелательным любопытством, мол, чего это занесло сюда чудака аж из самой Москвы) обстановка, чужие люди, с которыми вначале я даже по самым простым вопросам общался с трудом, одиночество... Бытом я никогда не был избалован, но там было иной раз совсем плоховато. Жил я в комнатенке, пристроенной к крестьянскому дому; в Закарпатье, как, наверное, вообще в краях относительно южных, сельские дома не отапливаются; обыденная жизнь там сосредоточена в кухне, где горит плита. В моей комнате, правда, стояла буржуйка, так что иногда даже жарко становилось; однако одинарное окно и тонкие стены тепло удерживали недолго, и по утрам приходилось вылезать из-под одеяла (точнее, из-под перины: хитрые венгры хотя бы тело держали в тепле) в естественную природную температуру. Питание тоже не отличалось замысловатостью: хозяйева кормили меня тем, что ели сами; ну да, частенько, особенно если на улице стоял морозец, угощали стопкой мутноватой домашней палинки. Зато язык я осваивал интенсивно — и через пару месяцев (особенно если еще и подогрет был изнутри) довольно бойко вел уроки по-венгерски. Тем более, что отдельной программы для венгерских школ в Закарпатье тогда (не знаю, как сейчас) не существовало, и учитель должен был руководствоваться программой, составленной для преподавания русского языка и литературы детям, для которых русский язык родной.

Иногда я задумываюсь: как бы сложилась моя жизнь, не выдерни меня счастливый случай (в лице моей жены) из Закарпатья в Москву? Так бы и остался я сельским учителем, склонным к ипохондрии и к палинке, постепенно коснеющим, превращаясь в этакого Ионыча? Ну да, наверное, женился бы на девушке из среды сельской интеллигенции, обзавелся домом, садом, курами, научился варить домашнюю палинку? Словом, чуть высунув в московской университетской среде голову из толщи глубинного народа, так и плыл бы, все реже и реже поднимая лысеющую макушку над привычной субстанцией, такой родной и уютной...

Летняя идиллия. На школьной экскурсии в Закарпатье. 1961–1962 гг.
(Дама в кадре оказалась рядом случайно.)

Summer idyll. On a school trip to Transcarpathia. 1961–1962.
(The lady happened to be nearby by accident.)

Нет, пожалуй, все же не допустил бы я (спешу ободрить себя), чтобы жизненный путь мой был таким тусклым (не безрадостным: там, в глубине, радостей больше и они доступнее, чем в высях). Что-то толкнуло же меня из Нижнего Тагила в Москву! Вот и тут: посидел бы я года три-четыре в деревне — и попробовал бы построить себе новую траекторию («Маршрут перестроен», — как объявляет в машине к месту и не к месту зануда-навигатор). Может, опять в Москву бы рванул, в аспирантуру; или пускай ближе, в Ужгород, в тамошний университет... А может, со временем попытался бы тихой сапой просочиться в Венгрию, — за последние десятилетия туда «репатриировались» очень многие этнические венгры из соседних с Венгрией стран, так что я тоже мог бы попроситься в приемьши. (В конце концов какой-то долей своих генов я тоже «финно-угр», если позволено так выразиться. Вот и сослался бы на зов крови: зудит, дескать, проклятая, даже аппетит потерял...)

Наверное, Бог все-таки есть.

Вот любопытная вещь: я в Него не верю (не соблюдаю обрядов, не поюсь, не причащаюсь, не исповедаюсь, даже не крещусь, проходя мимо храма), а Он все равно меня любит...

Такой, надо думать, должна быть настоящая христианская любовь.

Словом, нежданно-негаданно я снова оказался в Москве, причем с солидной «прибавочной стоимостью» — со знанием венгерского языка, что в те годы, годы интенсивной дружбы с «братскими» народами, было качеством востребованным. Два года ушло на реакклиматизацию: свое новое

качество я более или менее успешно реализовал в отделе внешних сношений Главного архивного управления (что на Пироговке). Потом решил штурмовать аспирантуру ИМЛИ. Первый заход был неудачным. Сегодня-то мне понятно, что знал я тогда о венгерской литературе позорно мало. Так что следующий год пришлось посвятить ликбезу, ориентиры в котором мне давал будущий мой научный руководитель Олег Константинович Россиянов¹⁷. Доброжелательные люди (не помню уже, кто именно) подсказали: шансы быть принятым будут выше, если я вступлю в партию. Ну, чего ж, я подал заявление. Но вступительный экзамен на второй раз выдержал без дураков, так что в аспирантуру был принят, кажется, не как кандидат в члены КПСС, а как довольно хорошо разбирающийся в предмете кандидат в специалисты.

А. С. Итак, вы попали в Институт мировой литературы, где защитили диссертацию, позже и другую, и где проработали четверть века. Что представлял собой в то время этот институт?

Ю. Г. ИМЛИ в тот период переживал пору расцвета, и расцвет этот примерно совпал с директорством Бориса Леонтьевича Сучкова¹⁸. Правда, расцвет не следует понимать однозначно — как и личность Б.Л. Сучкова. С одной стороны, институт считался учреждением идеологическим, и сам Сучков (человек изрядно побитый, даже прошедший лагеря за «шпионаж»¹⁹) не уставал это повторять, жестко требуя соблюдения линии партии. Но, с другой стороны, наука там (насколько литературоведение является наукой, — тут у меня накопилось много всяких соображений, но в этот вопрос я не стану здесь углубляться, иначе конца данному тексту не будет никогда) развивалась, пускай в заданных рамках, весьма интенсивно. Активно трудились там и столпы соцреализма: Щербина, Дымшиц, Мясников, Овчаренко, Ломидзе²⁰ (простите, кого не вспомнил); но в сферах, не при-

¹⁷ Россиянов Олег Константинович (1921–2016) — литературовед, переводчик, один из ведущих российских специалистов по венгерской литературе.

¹⁸ Сучков Борис Леонтьевич (1917–1974) был директором ИМЛИ в 1968–1974 гг. Член-корреспондент АН СССР (1968).

¹⁹ Б.Л. Сучков, начавший делать карьеру еще в 1940-е годы (отв. редактор журнала «Интернациональная литература», сотрудник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), директор Издательства литературы на иностранных языках и Издательства иностранной литературы), был в 1947 г. арестован и обвинен в шпионаже. Отбывал заключение в Карлаге до 1955 г. После реабилитации в 1956 г. включился в литературную жизнь в качестве критика и редактора.

²⁰ Перечисляются работавшие в ИМЛИ официозные литературоведы — член-корреспондент АН СССР Владимир Родионович Щербина (1908–1989), Александр Сергеевич Мясников (1913–1982), Александр Иванович Овчаренко (1922–1988), член-корреспондент АН СССР Георгий Иосифович Ломидзе (1914–1999). Александр Львович Дымшиц (1910–1975), известный прежде всего как германист, во второй половине 1940-х годов служил начальником отдела культуры Управления пропаганды Советской военной администрации в Германии, много работая в этом качестве с левой немецкой интеллигенцией. В последние годы жизни замдиректора ИМЛИ АН СССР.

давленных его тяжелой ступней, довольно свободно чувствовали себя такие светила, как С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров, Е.М. Мелетинский, Н.И. Балашов, А.Д. Михайлов, Ю.В. Манн²¹ (опять же не буду увлекаться перечислением). Да и сам Сучков, блудя рамки, придерживался своеобразной партизанской тактики, довольно успешно вводя в кругооборот советского сознания — за счет умелой интерпретации — творчество ключевых фигур зарубежной литературы: Ф. Кафки, М. Пруста, Э.М. Ремарка и др.

Одним из признаков расширения кругозора нужно, видимо, считать и то обстоятельство, что в этот период начинается серьезное изучение литературы авангарда; до тех пор из авангарда брали только «лучшего, талантливейшего» Маяковского, всячески оговаривая при этом, что на самом-то деле он был чистой воды соцреалист. К повороту в сторону авангарда оказался причастным и, как говорится, ваш покорный слуга. Очень мне захотелось заняться поэзией Лайоша Кашшака: все поэты как поэты, а Кашшак — особенный, пишет свободным стихом, во как! Ученый совет утвердил мне тему кандидатской диссертации: «Творческий путь Лайоша Кашшака». Написал. Защитил²².

Нынешнее мое (оценочное) мнение таково: Кашшак был человеком с очень сильной волей, но с весьма средним талантом. Попав в Будапешт полуграмотным пареньком и проникшись жаждой приобщения к сиянию интеллекта, он буквально сделал себя, освоил левый образ мысли, приобщился к новой литературе. Долгое время он писал, подражая символистам, в том числе великому Эндре Ади²³, иногда даже приближался к ним — но, видимо, сам чувствовал, что какой-то почти незаметный, но чрезвычайно важный барьер он не в состоянии одолеть. Надо отдать ему должное: там, где другой бы смирился, удовлетворившись ролью старательного эпигона (у всякого гения есть ореол, состоящий из учеников и подражателей) или перестав писать, Кашшак предпринял кардинальный шаг — и стал-таки первым. Во-всяком случае, в венгерской словесности. Он начал писать стихи — ну, если пренебречь тонкостями, то, скажем, в духе Уолта Уитмена²⁴ и нашего Пролеткульта. Да еще объединил эту стилистику с социалистической и (в разгаре была Первая мировая война) антимилитаристской

²¹ Перечисляются выдающиеся ученые, работавшие в ИМЛИ. Помимо ранее упомянутого С. С. Аверинцева названы филолог-классик академик РАН Михаил Леонович Гаспаров (1935–2005), фольклорист, специалист по сравнительному литературоведению и историк культуры Елеазар Моисеевич Мелетинский (1918–2005), специалисты по западноевропейским литературам, литературным связям и сравнительному литературоведению академик РАН Николай Иванович Балашов (1919–2006) и член-корреспондент РАН Андрей Дмитриевич Михайлов (1929–2009), специалист по русской литературе XIX в. Юрий Владимирович Манн (1929–2022).

²² Диссертация о творчестве венгерского поэта Лайоша Кашшака (*Kassák Lajos*; 1887–1967) была защищена в 1969 г.

²³ Ади Эндре (*Ady Endre*; 1877–1919) — великий венгерский поэт.

²⁴ Американский поэт Уолт Уитмен (1819–1892) был новатором свободного стиха в англоязычной поэзии.

идейностью. К нему потянулись. Он стал лидером. Он сам определил и решительно утвердил свое место в истории венгерской литературы и венгерской культуры.

Если авангард как движение считать явлением для европейской культуры закономерным (почему бы и нет: в истории любого духовного феномена бывает свой *Sturm und Drang*²⁵), то Кашшак свою задачу выполнил блестяще. Он, в сущности, один реализовал в поэзии едва ли не все направления авангарда, от экспрессионизма (в Венгрии он назывался активизмом) до дадаизма, захватив и прозу, делая экскурсии и в изобразительное искусство (коллажи; рисовать Кашшак совсем не умел). Но когда шторм авангарда улегся (почти одновременно с авангардом унялась в Европе и революционная буря), у Кашшака остался в активе лишь свободный стих. Он мог бы и верлибр возвести на уровень большой поэзии – при наличии мощного таланта; при отсутствии же такового его поэтическое творчество практически не выходило за пределы банальности или риторики.

Это — как бы запоздалое послесловие к моей кандидатской диссертации.

Еще будучи аспирантом, я в первый раз выехал за рубеж — в Венгрию.

А. С. *Расскажите о ваших первых впечатлениях. Какой вам показалась страна? С кем вы общались? Думаю, не ошибусь, если предположу, что во время первых поездок вы познакомились с людьми, с которыми поддерживали потом дружеские отношения на протяжении десятилетий.*

Ю. Г. Курица, может, и в самом деле не такая уж птица, но Венгрия была для меня ох какая заграница! Нет, серьезно, заграница ощущается сразу же, как только ты уезжаешь из Чопа (в те времена командированных в братские страны возили туда на поезде). Перед этим пассажиров, томящихся в купе или мотающихся в окрестностях вокзала, в течение нескольких часов — пока вагоны переставляют на другую, более узкую колею — подготавливают морально. Потом ты, дождавшись наконец отправления и проводив взглядом фигуры пограничников, стоящих внизу у полотна, шаршишь нетерпеливым взглядом по заграничным откосам и канавам, тянущимся вдоль дороги, и обнаруживаешь, что они — другие, не замусоренные, не убогие, как у нас. Там, в каких-то нескольких сотнях метров от Чопа, уже не могли бы быть написаны строки: «Под насыпью, во рву некошеном, лежит и смотрит, как живая...» — прежде всего потому, что там нет некошенных рвов. И домики в деревнях, мимо которых ты проезжаешь, стоят ладные, чистенькие, и у тебя язык не поднимется назвать их хатами, а уж тем более избами. (Лачуги — да, попадаются, в них живут цыгане, а изб нет.) Тот (бóльший) сегмент моей души, который все еще прочно, как знаменитая репка, сидел в толще глубинного народа, разрывался между хорошей завистью и нехорошей злостью (Ишь, буржуйское племя!.. Ух, я бы вас!..).

²⁵ В переводе с немецкого: «Буря и натиск». Так называлось литературное движение в истории немецкой литературы последней трети XVIII в., связанное с великими именами И.В. Гёте и Ф. Шиллера.

А Будапешт! Меня еще, как нарочно, поселили едва ли не в самой аристократической (на то время) гостинице «Астория». И в первый или второй день Ласло Иллеш²⁶, который меня опекал, устроил мне небольшую экскурсию по столице и для начала привел меня на набережную Дуная, откуда открывался вид на скальные обрывы противоположного берега, с цитаделью и королевским дворцом наверху. И был это февраль, то есть начало весны в тех краях, солнце пряталось в облаках, облака были плотными, но легкими, так что все вокруг: и спокойный, как асфальт, Дунай, и мосты, которых было видно оттуда как минимум четыре, и набережная, и здания вдоль набережной, и Парламент, словно вырезанный из книги детских сказок, — казалось прикрытым тончайшей жемчужной дымкой... Прошу прощения за некоторую тургеневщину, но первое эмоциональное впечатление от места, которое навсегда станет объектом твоих мыслей, предметом приложения твоих усилий, имеет невероятно важное значение. Эта жемчужная дымка словно и всю венгерскую литературу укрыла в моих глазах, — тем более что читать ее всерьез я начал с книг Мора Йокаи²⁷, волшебно прекрасный язык которых концентрирует в себе все то лучшее, что есть в венграх (и даже немножко того, чего в них... ну, скажем, маловато).

Ласло Иллеш, с которым мы познакомились еще в Москве, в ИМЛИ, и часто пересекались в Ленинке, в тамошнем читальном зале, стал моим другом на всю жизнь. Для меня он воплощал в себе, в самом лучшем издании — нет, не венгра, а скорее человека Центральной Европы. Где-то у Дёрдя Конрада²⁸ я встречал рассуждение о том, что жителя Центральной Европы (тут, конечно, имеется в виду регион, не включающий в себя ни Германию, ни, в общем, Австрию) он узнает везде — по не очень высокого вкуса манере одеваться, по провинциальным манерам, по сочетанию в глазах пришибленности и заносчивости. Ласло Иллеш же был трудолюбив и целеустремлен, как немец, и жизнелюбив, как француз... ну, ладно, не как француз, а как житель Вены. К тому же в характере его был очень прочный стержень: выйдя из крестьян и став исследователем литературы, ученым, он по натуре был демократом, чуждым всякому догматизму, за что и пострадал в период ракошистской диктатуры²⁹ (его выгнали из университета, и в науку он вернулся лишь спустя семь лет). Основным предметом его исследований была социалистическая литература, то есть, если смотреть с нынешних позиций, литература, связанная с левыми (не левацкими), демократическими общественными тенденциями и настроениями.

²⁶ Иллеш Ласло (*Illés László*; 1928–2012) — венгерский литературовед.

²⁷ Йокаи Мор (*Jókai Mór*; 1825–1904) — венгерский писатель, известность за пределами страны получили его исторические романы.

²⁸ Конрад Дёрдь (*Konrád György*; 1933–2019) — венгерский писатель, публицист.

²⁹ Речь идет о режиме сталинского типа, установленном в 1948 г. и существовавшем с некоторыми модификациями до 1956 г. Связан с именем коммунистического диктатора Матяша Ракоши (1892–1971).

Он и сам был по своим убеждениям социалист, но не в смысле партийной принадлежности, а по моральным устоям. Я был крайне удивлен, даже обескуражен в какой-то степени, когда после смены режима, то есть после 1990-го года, он, в числе немногих, остался в прежней партии³⁰ (я-то вернул партбилет в 1990-м). Я спорил с ним, пытался доказывать, что он не хочет понять простых и очевидных вещей; он, глядя на меня с некоторой грустью, говорил, что произошедший поворот (а главное, то, как он произошел) открывает дорогу самым скверным тенденциям капиталистического общества; потом он стал уклоняться от разговоров на эти темы. Может быть, он был неправ, но исходной его позицией было убеждение в том, что не отказываться нужно от социализма, а пытаться демократизировать его (в этом он был согласен с Дёрдем Лукачем³¹, изучению теоретического наследия которого посвятил последний период своей жизни). Да, скорее всего, в этом он был неправ: тот социализм, который у нас и у них построили, невозможно было демократизировать, и все попытки в этом плане вылились бы в утопию, в авантюризм. Однако теперь с его опасениями я вынужден согласиться. И вот что еще я, кажется, понял: готовность менять свою позицию, способность сегодня говорить «да», а завтра, в изменившихся условиях, «нет» — это, по-видимому, тоже скорее свойство не *homo sapiens*, а глубинного народа, для которого важнее всего не моральная суть происходящего, а возможность приспособиться к нему, найти *удобный modus vivendi*. Подобно земноводным, с готовностью «принимать температуру окружающей среды» (этот оборот я встретил недавно у Б. Акунина). (А если еще обставить это красивыми латинскими выражениями, то вообще получается *ne plus ultra*.)

А. С. Венгрия конца 1960-х. Десять лет прошло после подавления революции 1956 года. Каковы были настроения в среде гуманитарной интеллигенции, филологов, литераторов, с которыми вы общались? Были ли у собеседников оптимизм в связи с предпринятой командой Кадара в 1968 году экономической реформой? И не сменился ли он через несколько лет разочарованием, когда стало ясно, что реформы придется свернуть? Думаю также, что вы сразу заметили: культурная политика кадаровской Венгрии заметно отличается от того, что мы видели в СССР.

Ю. Г. Та, первая моя командировка в Венгрию состоялась в феврале 1968-го. События 56-го года ушли далеко в прошлое, чехословацкие события были еще впереди, так что состояние умов в Венгрии было доволь-

³⁰ Речь идет о сохранении Ласло Иллешем членства в венгерской социалистической партии, возникшей в результате раскола в 1990 г. кадаровской Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП) на базе ее реформаторского крыла. Позиционируя себя правопреемницей ВСРП, эта партия вместе с тем приняла социал-демократические ценности и стала членом Социалистического Интернационала. В 1994–1998 и 2002–2010 гг. стояла во главе правящей коалиции Венгрии.

³¹ Лукач Дёрдь (*Lukács György*; 1885–1971) — венгерский философ-неомарксист и литературный критик, одна из ключевых фигур западного марксизма XX века.

но спокойное. Да и общая ситуация в стране была вполне благополучной. А уж в моих глазах — тем более. После наших московских гастрономов бродить по будапештским супермаркетам, выбирая — и находя! — что-нибудь подешевле и в то же время повкуснее, было чистое наслаждение. В кинотеатрах показывали западные фильмы, о которых у нас ходили только легенды (например, «Забриски Пойнт»)³². В Будапеште, в самом центре города, находились аж два магазина русской книги, и там лежали издания, которые в Москве можно было купить — и то если повезет — в Книжной лавке писателя на Кузнецком, а до доступа в эту лавку мне было еще ой как далеко. Словом, глубинный человек во мне опять разрывался между восторгом и озлоблением.

Что касается отношения венгров ко мне, то оно было вполне доброжелательным. Думаю, те, кто ненавидел Советский Союз и русских, просто меня обходили. В основном же большинство, видимо, понимало, что Кремль и Ю. Гусев — это не одно и то же. К тому же они умели ценить человека, который выучил их непростой язык и занимается их (тоже непростой) литературой. И вообще умели ценить людей с нестандартным мышлением — например, Б.Л. Сучкова, который с некоторыми тамошними видными учеными даже завязал дружеские отношения. Я это чувствовал даже по тому, как они упоминали о нем в каком-нибудь нейтральном разговоре. Особенно после того, как Борис Леонтьевич умер в Будапеште (он был там на каком-то симпозиуме). Во всяком случае, Г.П. Бердникова³³, который придавил ИМЛИ после смерти Сучкова и после кратковременного директорства Ю.Я. Барабаша³⁴, они вспоминали совсем по-другому.

Перелом 1990–1991 годов сильно все перемешал. Правда, договоры о сотрудничестве между академиями наук, Российской и бывших соцстран, еще довольно долго, по инерции, продолжали действовать, хотя и стали во многом формальными (формальными они были и до тех пор, но по-другому), так что сохранилась и возможность научных командировок. Но изменилось очень многое, начиная с загранпаспортов, которые теперь не выдавались «дубликатом бесценного груза» в Иностранном отделе АН, а хранились дома, и кончая тем, что теперь билет ты должен был покупать сам. (Говорят, начальство по-прежнему ездило в командировки за казенный счет; так ведь то — начальство!) Отношение к русским (во всяком случае, я могу это сказать о Венгрии) в какой-то мере даже, может быть, потеплело: ведь с выводом войск мы перестали быть оккупантами, а уважение

³² Американский фильм, поставленный итальянским кинорежиссером Микеланджело Антониони. Вышел на экраны в 1970 г. Социальная драма об американской молодежи конца 1960-х, один из ключевых фильмов кинокультуры хиппи.

³³ Бердников Георгий Петрович (1915–1996), до этого работавший в отделе культуры ЦК КПСС, был директором ИМЛИ в 1977–1987 гг.

³⁴ Барабаш Юрий Яковлевич (род. 1931), с 1965 г. находившийся на партийно-идеологической работе, был директором ИМЛИ в 1975–1977 гг., а затем переведен на пост первого заместителя министра культуры СССР.

к нашей литературе, культуре, науке продолжало сохраняться. К сожалению, синдром обидевшегося «старшего брата» у нас все крепчал, и соответственно возрастало равнодушие к «младшим братьям», которые теперь стали смотреть в другую сторону. Не знаю даже, что для меня хуже: былая протокольная дружба или нынешнее равнодушие. Тогда я, во всяком случае, работой (особенно переводческой) был обеспечен, хотя переводить часто случалось какую-нибудь бескрылую, но идеологически выдержанную чушь; ну, или написанную тем, кем надо. А сейчас... сейчас дело даже не в том, что венгерские писатели пишут хуже американских, немецких, французских и т.п., — нет, не хуже, а порой даже лучше. Дело, конечно, в том, что от книг, на обложке которых стоит венгерское имя, издательства не надеются получить столько же наvara, сколько от американских, немецких, французских и т.д. авторов. Парадоксально, но даже японские фамилии для русского уха звучат чуть-чуть привлекательнее, чем венгерские (слабое утешение, что к венгерским можно добавить румынские, словенские, даже болгарские). (Маленькая, но показательная мелочь: слово «господин» мы понимаем без перевода на очень многих языках: мистер, герр, месье, синьор, пан, даже — сан или саид, но попробуй написать «ур» — например, «Ковач ур», то есть «господин Ковач» — и встретишь недоуменный взгляд.)

Именно в контексте этого возрастающего равнодушия (в котором мне явственно слышится и нотка высокомерия, а значит, и презрения) я воспринимаю и изменение названия института, в который перешел в 1994 году. Нынешний Институт славяноведения РАН тогда назывался Институтом славяноведения и балканистики. Ну да, понятно, там имелся в виду «социалистический» регион Европы, от Черного моря до Балтийского. Но в прежнем названии все-таки отражалась (кроме политической) и некоторая объективная цельность, которую выражала и до сих пор выражает диковато звучащая аббревиатура ЦЮВЕ, то есть Центральная и Юго-Восточная Европа. Нынешнее название, Институт славяноведения, как бы исключает из этой цельности неславянские страны, хотя они занимают обширную сердцевину этого региона. Правда, упомянутая выше аббревиатура — так сказать, явочным порядком — в обиходе по-прежнему активно присутствует. И не только аббревиатура: унгаристика, как и румынистика, в институте все же имеют место. (Если бы этот логический вывих был в нашей жизни единственным, то на него можно было бы просто не обращать внимания.) Причем унгаристика представлена в нем не только филологией: здесь существует мощная школа историков-унгаристов. Многие из них уже ушли: Т.М. Исламов, В.П. Шушарин, А.И. Пушкаш; но есть те, кто плодотворно работает: О.В. Хаванова, Б.Й. Желицки, А.С. Стыкалин.

Как бы там ни было, я, унгарист, специализирующийся на венгерской литературе, проработал в Институте славяноведения двадцать пять лет, и никто не делал большие глаза и не спрашивал: что это я, не будучи славистом (от слова «совсем», как нынче говорят), потерял среди славистов?

А. С. За годы работы в институте вами сделано немало как литературоведом. Сначала, в 1990-е годы, главы совместно с В. Середой в труде по истории восточноевропейских литератур во второй половине XX века³⁵. Позже по вашей инициативе была подготовлена книга очерков о выдающихся венгерских писателях³⁶. Надо упомянуть и ряд проектов для серии «Литературные памятники». Это академические издания шедевра венгерской литературы XIX века знаменитой «Трагедии человека» Имре Мадача, стихов поэта XVI века, ключевой фигуры венгерского Ренессанса Балинта Балашии, «Турецких писем» Келемена Микеша, сподвижника князя Ференца Ракоци, вождя венгерского антигабсбургского движения начала XVIII века. Вы участвовали в работе над этими проектами и как литературовед, и как переводчик. А кроме того, десятки статей, докладов на конференциях... Обо всем этом можно получить представление, хотя и неполное, по вашей личной странице на сайте Инслава³⁷. Вы упомянули и вашу деятельность переводчика венгерской художественной литературы, в которую вы погрузились еще в 1970-е годы, когда опубликовать у нас можно было далеко не все из того, что вам хотелось перевести. За полвека работы переведены десятки романов и повестей, множество рассказов венгерских писателей разных исторических эпох. Переводили вы и поэзию.

Ю. Г. В Инслав (тогда еще ИСБ РАН) я перешел из ИМЛИ, где мне стало (выражусь обтекаемо) неудобно. Наверное, я бы перетерпел это, но как раз в этот момент (я же говорю: Он, Тот, Который там, наверху, почему-то мне потворствует) Виктор Александрович Хорев предложил мне перейти в Инслав³⁸. Я последовал совету — и ни разу об этом не пожалел (а если когда-то и случалось пожалеть, то Он, Тот, Который там, наверху, только отмахивался досадливо и крутил пальцем у виска).

Сравнивать два института неправильно, да и нехорошо. В конце концов, ИМЛИ я многим обязан; там я и докторскую защитил³⁹. Там было много людей, которых я уважал, у которых учился: пожалуй, среди них Николай Иванович Балашов больше всех на меня повлиял, больше всех был для меня примером человека и ученого. Но в Инславе меня тоже окружали очень хорошие люди; были здесь (хотя видеть их приходилось редко) и

³⁵ История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны / отв. ред. В.А. Хорев. М.: Индрик, 1995–2001. Т. 1–2.

³⁶ История венгерской литературы в портретах / отв. ред. Ю.П. Гусев, А.С. Стыкалин, О.В. Хаванова. М.: Индрик, 2015.

³⁷ Гусев Юрий Павлович. Институт славяноведения РАН [сайт]. URL: <https://inslav.ru/people/gusev-yuriy-pavlovich> (дата обращения: 17.04.2023).

³⁸ Хорев Виктор Александрович (1932–2012) — ведущий российский специалист по польской литературе. Замдиректора Института славяноведения и балканистики АН СССР (Института славяноведения РАН) в 1988–2005 гг.

³⁹ В 1988 г. по теме «Художественный конфликт в литературе социалистической Венгрии». Этому предшествовала публикация в 1987 г. монографии «Современная венгерская литература в контексте литератур социалистических стран Европы: динамика художественного конфликта».

свои звезды, не менее яркие, чем в ИМЛИ: Вяч.Вс. Иванов⁴⁰, А.А. Зализняк⁴¹, В.Н. Топоров⁴², Е.А. Хелимский⁴³ (последний, кстати говоря, много сделал для моего сына Валентина, который вырос в серьезного лингвиста⁴⁴). Но больше всего я благодарен Инславу за то, что здесь я попал в атмосферу, которая каким-то образом очень мне подошла. Каким именно образом «подошла», определить едва ли возможно. Пожалуй, это — некое особое ощущение свободы (свободы, не отменяющей внутренней сосредоточенности), которое помогает снять, хотя бы на время, какие-то сковывающие комплексы...

Предположить подобное мне позволяет, например, то обстоятельство, что я, неожиданно для себя (это не рисовка, я и раньше время от времени, хотя и довольно вяло, пытался это делать, но ничего не получалось, — а тут вдруг взяло и получилось!), стал сочинять стихи. Нет, поэтом я не стал, — мыслимо ли к шестидесяти годам стать поэтом! Но в общем насобиралось три-четыре сотни стихотворений, которые складывались как бы сами собой, являясь неведомо откуда; несколько из них мне до сих пор нравятся. Не пугайтесь, я приведу только одно, коротенькое; оно, мне кажется, годится и на роль автоэпитафии.

У нас, у нынешних, нелегкая судьба.

О, как же это хлопотно, ребята,

По капле из себя выдавливать раба

И вдавливать

туда

по капле

демократа!

Понятное дело, сочинено это было в те, ставшие уже легендарными, времена, когда слово «демократ» звучало гордо, почти как слово «человек».

⁴⁰ Иванов Вячеслав Всеволодович (1929–2017) — всемирно известный лингвист-компаративист, семиотик, антрополог. Переводчик, литературовед, общественный деятель. Академик РАН (2000), член ряда иностранных академий.

⁴¹ Зализняк Андрей Анатольевич (1935–2017) — лингвист широкого профиля, автор классических работ по грамматике русского языка, реконструкции языка новгородских берестяных грамот, о языке «Слова о полку Игореве», а также по индоевропеистике и истории языкознания. Академик РАН (1997).

⁴² Топоров Владимир Николаевич (1928–2005) — всемирно известный лингвист, семиотик, литературовед, культуролог, фольклорист. Академик АН СССР (1990, академик РАН с 1991), член ряда иностранных академий.

⁴³ Хелимский Евгений Арнольдович (1950–2007) — крупный специалист по финно-угорским и самодийским языкам, проблемам уральского и ностратического языкового родства, языковым контактам.

⁴⁴ Валентин Юрьевич Гусев известен своими работами по грамматической типологии, по истории и синхронному описанию самодийских языков и т.д.

В Отделе литератур стран ЦЮВЕ, где я состоял, было еще два стихотворца: А.А. Гугнин⁴⁵ и М.В. Фридман⁴⁶; один (по крайней мере один) поэт, Н. Шведова, был в соседнем отделе; и еще в разных отделах было несколько. Вот почему мне показалось уместным связать духовную атмосферу в институте с поэзией. А поскольку, еще раз повторю, я глубоко убежден, что приобщенность к поэзии — один (нет-нет, ни в коем случае не единственный!) из несомненных признаков духовной раскованности, подъема над густой и вязкой толщей «глубинного» существования, то я могу со спокойной совестью сказать: если мне был отпущен (кем отпущен? да, наверное, Им же, Тем, Который...) какой-то полетный ресурс, то я его в максимальной мере исчерпал, работая в Институте славяноведения.

Видимо, ресурс в самом деле исчерпан: стихи уже практически не идут, из института я ушел, синусоида моего духовного бытия плавно переходит в каденцию. (Не уверен в терминологической правильности этой фразы — зато красиво. Правда ведь, красиво?)

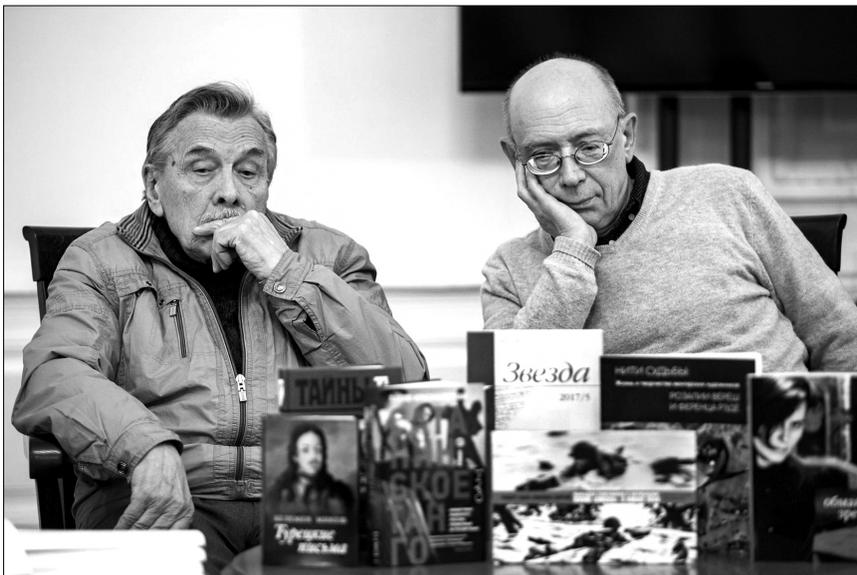
Отделу, в котором я состоял, сильно повезло в том смысле, что его руководителем и духовным лидером в течение многих лет был Виктор Александрович Хорев, человек очень легкий в общении и очень весомый в делах и поступках. С его уходом и в отделе, и в институте в целом стало немного пасмурнее... Отдел вообще довольно быстро лишился мужского компонента. Я в этом смысле был последним. Когда я написал заявление о выходе на пенсию, дамы, которые отныне обеспечивали в отделе гендерную чистоту литературоведения как научной дисциплины, конечно (совсем даже не протоколно), сожалели о происходящем. Но мне кажется, была одна дама, которая вздохнула с облегчением, — это была мадам Филология.

А я на (относительном) досуге получил возможность немного разобраться в себе. И, кажется, понял, что мое истинное призвание — не столько литературоведение (я и в литературоведении-то все время сбиваюсь на эссеистику, то есть на критику в чистом виде), сколько литература. То есть, в данных обстоятельствах и на данном жизненном этапе, литературный перевод⁴⁷. Так что экскурс в поэзию был в этом смысле, может быть, не случайным: Он, Тот, Который там, наверху, давал мне понять, что надо бы немного поменять приоритеты. Тут я мог бы обидеться: где ж Ты раньше-то был, почему

⁴⁵ Гугнин Александр Александрович (1941–2021) — российский и белорусский исследователь, переводчик и популяризатор немецкой литературы.

⁴⁶ Фридман Михаил Владимирович (1922–2006) — исследователь и переводчик румынской литературы.

⁴⁷ О деятельности Ю.П. Гусева как переводчика венгерской художественной литературы см. интервью, которое он дал в 2020 г. сайту Венгерского культурного центра в Москве в связи с вручением ему за заслуги в области перевода художественной литературы венгерской национальной премии Балашши: Учитель литературы и революционер под дождем. Интервью с Юрием Гусевым. Институт Листа. Венгерский культурный центр [сайт]. URL: <http://huncult.ru/blog/guszev> (дата обращения: 17.04.2023).

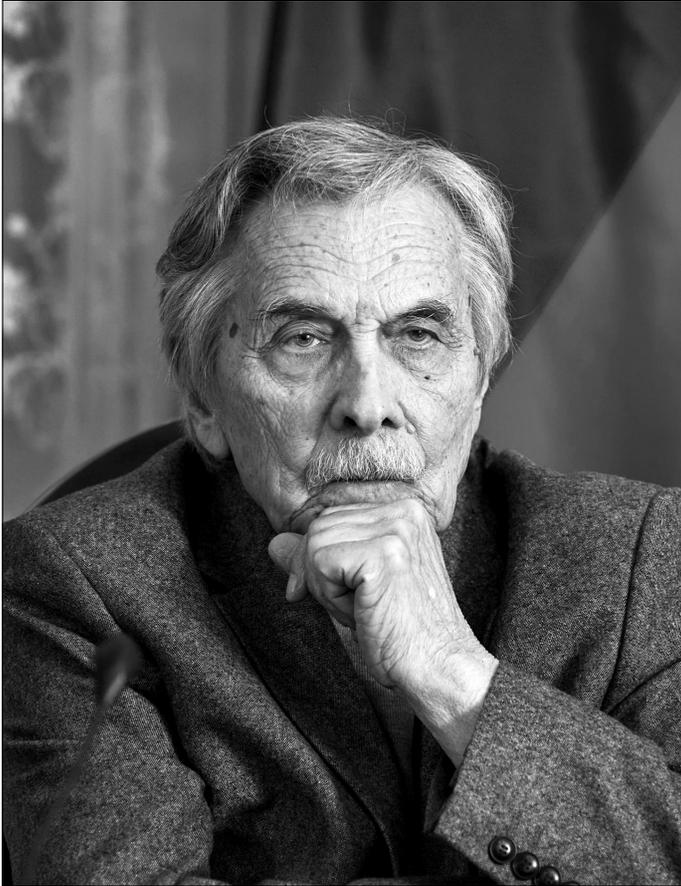
Юрий Гусев с Вячеславом Середой на книжной презентации
 Yuri Gusev with Vyacheslav Sereda at the book presentation

не намекнул вовремя? Но поскольку обижаться в этой ситуации, кроме как на себя, не на кого (я же в Него не верю), то остается пообещать: в следующей жизни (если Он ее мне даст) постараюсь все учество.

А. С. Профессия переводчика мне представляется одной из самых благородных — она помогает выстраивать мосты между нациями и культурами. Наверно, только общение высоких культур может хоть как-то помочь со временем зарубцеваться ранам, которые наносятся народам в результате авантюрных действий безумных политиков...

Ю. Г. Профессия переводчика, правда, не ахти как престижна: докторской и кандидатской степени тут не получишь, титула Заслуженный или тем более Народный не присвоят (представьте такое: Народный переводчик Ю. Гусев). Но если говорить всерьез, то работа переводчика, пожалуй, важнее. Литературоведы работают на свой круг, то есть, в общем, сами на себя. Переводчики же — на самую широкую аудиторию. А следовательно, участвуют в тяжелой, неблагодарной, но благородной деятельности по вытаскиванию глубинного народа из того дремучего болота, в котором он пребывает.

Скажу больше: переводчики, если их много и если они работают добросовестно (можно было бы добавить: если еще и обладают каким-никаким чувством языка, — но не хочу выглядеть максималистом), это такая армия, которая, без ракет и танков, способна покорить любого соседа. Даже если у него очень тяжелый характер...

Кажется, я отвлекся от поднятого в самом начале вопроса о поколении. К какому же поколению я отношусь?..

Для кого-то этот вопрос, может быть, важен. Для меня — нет. Я отношусь, если уж пытаться как-то ответить, к эпохе. К эпохе, когда все ломалось то так, то этак, то вдоль, то поперек, когда нас — не одних нас, тех, кого угораздило родиться в этой несчастной стране, но и венгров, и поляков, и немцев, и еще многих (кажется, только жителей Исландии не затронуло) — тащило по ухабам, по рытвинам, по оврагам, так что мы едва имели возможность в какие-то моменты поднять голову и посмотреть, где мы находимся. И мы, те, кто уцелел в этой гонке на выживание, сейчас ждем, чем же все это кончится. Ухнем ли мы, все вместе, окончательно в бездну, в небытие, или какая-то сила: Тот, Который там, где-то в сферах и в Которого я не верю, или Космический Разум, который по логике вещей должен быть, но никаких подтверждений факту его существования не об-

наружено, или просто здравый смысл (вот уж чем в наших краях точно не пахнет) — совершит еще один крутой вираж и вынесет то, что осталось, на более или менее ровную дорогу. И тогда мы, уцелевшие, понадобится хотя бы как свидетели...

Свидетели чего? Защиты? Обвинения?..

Литература

- Байков В.С. 1956. Венгрия глазами очевидца. М.; СПб.: Нестор-История, 2016.
- Балашши Балинт. Стихотворения / подгот. Н.И. Балашов, Ю.П. Гусев, И. Хорват. М.: Наука, 2006. (Серия: Литературные памятники).
- Гусев Ю.П. Современная венгерская литература в контексте литератур социалистических стран Европы: динамика художественного конфликта. М.: Наука, 1987.
- Гусев Ю.П. Творческий путь Лайоша Кашшака: дис. ... филол. наук. М.: ИМЛИ АН СССР, 1969.
- История венгерской литературы в портретах / отв. ред. Ю.П. Гусев, А.С. Стыкалин, О.В. Хаванова. М.: Индрик, 2015.
- История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны / отв. ред. В.А. Хорев. М.: Индрик, 1995–2001. Т. 1–2.
- Мадач Имре. Трагедия человека / подгот. издания и примечания Ю.П. Гусев. М.: Наука, 2011. (Серия: Литературные памятники).
- Микеш Келемен. Турецкие письма / отв. ред. Ю.П. Гусев. М.: Наука, 2017. (Серия: Литературные памятники).

References

- Balashov, N.I., Gusev, Yu.P., Horváth, I., eds., 2006. *Balassi Bálint. Poems*. Moscow: Nauka. (Series: Literaturnye pamiatniki.) (In Russian)
- Baykov, V.S., 2016. 1956. Hungary through the eyes of an eyewitness. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia. (In Russian)
- Gusev, Yu.P., ed., 2011. *Madách Imre. The Tragedy of the Man*. Moscow: Nauka. (Series: Literaturnye pamiatniki.) (In Russian)
- Gusev, Yu.P., ed., 2017. *Mikes Kelemen. The letters from Turkey*. Moscow: Nauka. (Series: Literaturnye pamiatniki.) (In Russian)
- Gusev, Yu.P., 1987. *Modern Hungarian Literature in the Context of Literature of the Socialist Countries of Europe: Dynamics of Artistic Conflict*. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Gusev, Yu.P., 1969. *The Evolution of Lajos Kassák as a Creator*. Dis. ... kand. filol. nauk. Institute of world literature, Academy of Sciences of the USSR. (In Russian)
- Gusev, Yu.P., Khavanova, O.V., Stykalin A.S., eds., 2015. *The History of the Hungarian Literature in the Portraits*. Moscow: Indrik. (In Russian)
- Khorev, V. A., ed., 1995–2001. *The History of Literatures of Eastern Europe after the World War II*. Moscow: Indrik. (In Russian)

Переводы
Юрия Павловича Гусева

- Патт, Ференц.* В дыму и в огне (роман). М.: Прогресс, 1972.
- Кашишак, Лайош.* У источника. Апрель, пять часов утра. Надежда и утешение. В конце концов. Звуки. Эберфанская трагедия. Из дневника агронома. Вводные строки к одной книге (стихи). Современная венгерская поэзия / ред. колл. К.И. Бонецкий и др. М.: Прогресс, 1973.
- Сабо, Пал.* Пядь земли (роман). М.: Прогресс, 1975.
- Кашишак, Лайош.* Крик по весне. Перевернутая скрижаль. Внутри круга. Вводные строки к одной книге (стихи). Поэзия социалистических стран Европы: сборник переводов / сост. и примеч. Б. Шуплецова. М.: ГИХЛ, 1976. (Серия: Библиотека всемирной литературы).
- Молнар, Золтан.* Уикенд в деревне (повесть). Современные венгерские повести (1960–1975) / сост. и послесл. О.К. Россиянова. М.: Прогресс, 1977.
- Меистерхази, Лайош.* А что там, по ту сторону горы? Реквием по выдающемуся таланту (рассказы). *Меистерхази Л.* Избранное / сост. Ю.В. Шкробинец. М.: Прогресс, 1977. (Серия: Библиотека венгерской литературы).
- Ийеш, Дюла.* Нищета, вечный голод. Ожидания. Мстительный наговор (стихи). *Ийеш Д.* Избранная лирика. М.: Прогресс, 1979.
- Семлер, Ференц.* Об этом нельзя не сказать. Мягкое утро. Водное зеркало; *Мелус, Йозеф.* Утреннее стихотворение Анне. Разговор на набережной; *Каняди, Шандор.* Лошади. Желание. Хорошо бы. *Силади, Домокош.* Тень. Поэзия современной Румынии: сборник / сост. и ред. К. Ковальджи, Ю. Кожевникова. М.: Худлит, 1979.
- Булчу, Берта.* Кенгуру (повесть). Затмение (рассказ). *Булчу Б.* Кенгуру. Повесть и рассказы. М.: Прогресс, 1979.
- Мориц, Жигмонд.* Не могу без музыки, без песни (повесть). *Мориц Ж.* Избранное / сост. Е. Умнякова. М.: Худлит, 1980.
- Йозеф, Аттила.* Curriculum vitae. Письма. Задачи поэта в наши дни (статья). И вот нашел я тихий угол... (стихотворение). Литературное обозрение. 1980. № 8.
- Ади, Эндре.* Автобиография. Маленькая прогулка. Дела студенческие. Венгерский двуглавый орел. Националисты. Строфы. Письмо отцу. Билек (публицистические статьи). *Ади Э.* Избранное. Будапешт: Корвина, 1981.
- Гараи, Габор.* Письма Овидия (стихи). *Гараи Г.* Мир — мой дом. Избранная лирика. М.: Прогресс, 1981.
- Немет, Ласло.* Вина (роман). *Немет Л.* Траур. Вина. М.: Прогресс, 1982. (Серия: Мастера современной прозы).
- Сабо, Магда.* Пилат. Современная венгерская проза. М.: Прогресс, 1982.
- Вёрёш, Шандор.* Дали. Величие. Монолог. Счастлив. Метроном (стихи). Из современной венгерской поэзии / сост. и предисл. О. Россиянова. М.: Прогресс, 1982.
- Сабо, Магда.* Старомодная история. Роман. М.: Прогресс, 1983.

- Иллеш, Эндре.* Карьеристы. Однокрылые птицы. Лжецы. *Иллеш Э.* Нетерпеливые влюбленные и другие пьесы. М.: Радуга, 1983.
- Дери, Тибор.* Теокрит в Уйпеште. Швейцарская история. Веселый розыгрыш в духе старых добрых времен. Сказка улицы Арпад. У Дуная. Конь и старуха. На панели. Снова дома. Лапша с маком (рассказы). *Дери Т.* Избранное. М.: Худлит, 1983.
- Геллери Андор, Эндре.* Домик на пустыре; *Дери, Тибор.* Весело и дружно; *Сабо, Магда.* Петушинный крик; *Камонди, Ласло.* Двое у озера. 44 венгерских рассказа. Будапешт: Корвина, 1983.
- Шомоди Тот, Шандор.* Пророк на час (роман). Тигр или овца (рассказ). *Шомоди Тот Ш.* Как дела, молодой человек? Избранные повести и рассказы. М.: Радуга, 1984.
- Кертес, Акои.* Кашпарек (повесть). *Кертес А.* Стеклянная клетка. Повести и рассказы. М.: Радуга, 1985.
- Меистерхази, Лайош.* А что там, по ту сторону горы? Реквием по выдающемуся таланту (рассказы). *Меистерхази Л.* Загадка Прометея. Роман. Рассказы. М.: Радуга, 1985.
- Фекете, Дюла.* Медовый месяц. Не вернулся мужчина (повести). *Фекете Д.* Медовый месяц. Повести. М.: Радуга, 1986.
- Костолани, Дежё.* Судья. Глупый Бела. Плохой врач (рассказы). *Костолани Д.* Избранное. М.: Худлит, 1986.
- Меистерхази, Лайош.* Воспоминания (фрагменты книги). Иностранная литература. 1986. № 12. С. 189–207.
- Каринти, Фридеш.* Встреча с молодым человеком. Слепой цыпленок. Февраль. Разговор с хорошим человеком. Яблоня, которую звали мадам Буксбаум. Господин Идегеш ложится спать. Господин Идегеш провожает друга. Господин Идегеш кончает жизнь самоубийством. Разговор, подслушанный в 1916 году. Таинственное письмо. Силач. Присоединяюсь к антираковому движению (рассказы, юморески). *Каринти Ф.* Избранное / сост. В. Белоусова, Ю. Гусев. М.: Худлит, 1987.
- Меистерхази, Лайош.* Говорить без приглашения. Возможности писателя в борьбе против военной угрозы. Герои или жертвы. Воспоминания. Личность и история (статьи, эссе). *Меистерхази Л.* Беру слово. Художественная публицистика. М.: Прогресс, 1987.
- Ласло, Немет.* Милосердие (роман). М.: Худлит, 1988.
- Михай, Бабич.* Цена жизни. Рождественская Мадонна. Бодри и Питю. Всего одно лето (рассказы). *Бабич М.* Калиф-аист. Розовый сад. Рассказы. М.: Худлит, 1988.
- Вёрёш, Шандор.* Дали. Величие. Монолог. Счастлив. Метроном. *Вёрёш Ш.* Огненный колодец. Стихи. М.: Радуга, 1988.
- Фекете, Дюла.* Ограбление будущего. Размышления о новой форме эксплуатации. Иностранная литература. 1988. № 5. С. 188–204; № 6. С. 195–213.
- Тершанский, Енё Йожси.* Легенда о заячьем паприкаше. *Тершанский Е.Й.* Легенда о заячьем паприкаше. Повести и рассказы. М.: Радуга, 1989.
- Мелиус, Йозеф.* Кафе «Транзит». «Западное кафе» (фрагменты книг). Иностранная литература. 1989. № 4. С. 53–102.

- Дарфаш, Миклош.* Был однажды такой театр (повесть). М.: Радуга, 1990.
- Эрдёг, Сильвестер.* Упокоение Лазара (роман). Посвящение (Из новой венгерской прозы). Повести. М.: Радуга, 1990.
- Конрад, Дёрдь.* Тяжелый день (*A látogató*). Роман. Иностранная литература. 1991. № 4. С. 45–137.
- Костолани, Дежё.* Пробуждение. Отчаяние (стихи); *Тот, Арпад.* Ave morituri. Ресторанчик. Сокровище. Блаженство? О надежда! Грянь, буря! Только и всего. Дерево (стихи). От сердца к сердцу. Стихи четырех венгерских поэтов / сост. И вступ. ст. О. Россиянова. М.: Худлит, 1991.
- Лукач, Дёрдь.* Социалистический реализм сегодня (статья). Вопросы литературы. 1991. № 4. URL: <https://edu.vsu.ru/mod/resource/view.php?id=18185> (дата обращения: 04.04.2023).
- Эстерхази, Петер.* Вечер трудного дня. Знамя (рассказы). Иностранная литература. 1992. № 4. С. 37–46; 50–52.
- Конрад, Дёрдь.* Самиздат. Оглядываясь на самиздат. Что-то закончилось (эссе). Вопросы литературы. 1993. № 4. С. 149–177.
- Мараи, Шандор.* Дневники. Иностранная литература. 1993. № 12. С. 144–162.
- Хамваш, Бела.* Водолей. Диапазон. 1994. № 1. С. 162–177.
- Шимонфи, Андраш.* Ржавая осень (фрагменты романа, 1990). Диапазон. 1995. № 2. С. 214–223.
- Корниш, Михай.* Апрельский дурак. Май под партой. Отцова победа (рассказы). Иностранная литература. 1995. № 3. С. 44–70.
- Манди, Иван.* Кино Жамбоки (фрагменты книги). Иностранная литература. 1995. № 4. С. 48–60.
- Конрад, Дёрдь.* Весенние заметки. Дневник-эссе (фрагменты). Иностранная литература. 1995. № 6. С. 96–105.
- Байяр, Жорж.* Мишель и летающая тарелка. М.: Совершенно секретно, 1995. (С франц. яз.).
- Немет, Ласло.* Венгры и Европа (эссе. сокр.). Иностранная литература. 1996. № 7. С. 263–274.
- Эстерхази, Петер.* Похвала материи, или Охота на химер в великом Дрогобыче. (Эссе о Бруно Шульце). Иностранная литература. 1996. № 8. С. 179–180.
- Ийеши, Дюла.* Ответ Гердеру и Ади (эссе. сокр.). Вопросы литературы. 1996. № 6. С. 202–215.
- Керестури, Дежё.* Венгры и их место в мире (эссе. сокр.). Вопросы литературы. 1996. № 6. С. 216–229.
- Конрад, Дёрдь.* Что такое венгерскость? (эссе). Вопросы литературы. 1996. № 6. С. 230–234.
- Дарваши, Ласло.* В горах. Первая сказка. Витембергские камнеомы (рассказы). Иностранная литература. 1997. № 2. С. 75–89.
- Кин, Кэролайн.* Тайна светящегося глаза. *Кин К.* Тайна персидских кошек. М.: Совершенно секретно, 1997. (С немецкого яз.).
- Бака, Иштван.* Стихи из книги «Заветы Степана Пехотного». Ночи Раскольникова. В Санкт-Петербурге снова. Иммануил Кант. In modo d'upa magica.

Русские сонеты (якобы Арсений Тарковский). *Slavica*. 1997. Т. XXVIII. Р. 157–162.

Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост. Е.Д. Орехова, В.Т. Середа, А.С. Стыкалин. М.: РОССПЭН, 1998. (*Переводы материалов: Из стенограммы дискуссии о печати в кружке Петефи. Выступления Т. Гардоша и Т. Дери. 27 июня 1956 г.; «Более никогда!» Передовая статья газеты «Сабад неп». 6 октября 1956 г.; «Почему я его не люблю». Статья Д. Хая в газете «Иродалми уйшаг». 6 октября 1956 г.; «Новый весенний смотр войскам». Передовая статья газеты «Сабад неп». 23 октября 1956 г.; Сообщение радиостанции «Кошут». 23 октября 1956 г., 10 часов; Выступление Э. Герё по радио. 23 октября 1956 г., 20 часов; Записка А. Новотного о заседании Президиума ЦК КПСС с участием руководителей БКП, СЕПГ и КПЧ в связи с событиями в Польше и Венгрии. 24 октября 1956 г.; Письмо Ф. Доната и Г. Лошонци ЦР ВПТ с просьбой об освобождении их от членства в руководящих органах партии. 24 октября 1956 г.; «Венгерская свобода!» Передовая статья М. Гимеша в газете «Мадяр сабадшаг». 30 октября 1956 г.; «Партии и единство». Статья Л. Немета в газете «Уй Мадьярорсаг». 1 ноября 1956 г.; Обращение Т. Дери к повстанцам через газету «Иродалми уйшаг». 2 ноября 1956 г.; Брионская встреча. Из записей В. Мичуновича. 3 ноября 1956 г.; «Нация и писатель». Статья Л. Немета в газете «Игашаг». 3 ноября 1956 г.; выступление Й. Миндсенти по радио. 3 ноября 1956 г., 20 часов; «Тревога и Символ веры». Декларация венгерских писателей. 13 декабря 1956 г.)*

Эрдёг, Сильвестер. Безымянная могила (роман). Иностранная литература. 1998. № 5. С. 151–217.

Петри, Дёрдь. Осмысление итогов. Когда происходит НИЧТО. От искусства минимума к минимуму искусства. Я — стих, и что мне до всего. Ухмылка (стихотворения). Иностранная литература. 1998. № 10. С. 38–41.

Конрад, Дёрдь. Градооснователь (роман). Будапешт: Pont, 1999.

Тар, Шандор. Медленный товарняк. Самая холодная ночь. Ринальдо. Бледная Истома (рассказы). Иностранная литература. 1999. № 8. С. 5–28.

Месей, Миклош. Высокая школа. Венгерская новелла. Oh, che bella notte (повести). Месей М. Венгерская новелла. Будапешт: Pont, 2000.

Дарваши, Ласло. Добыть женщину (рассказ). Иностранная литература. 2001. № 3. С. 205–209.

Оравец, Имре. Вопрос. Восемнадцатое столетие. Послание. Деревенская свадьба. Опушка леса. Куда? (стихи). Иностранная литература. 2001. № 3. С. 219–221.

Петри, Дёрдь. Любовь до гроба (Рекурсивная функция) (стихотворение). Иностранная литература. 2001. № 3. С. 231.

Бака, Иштван. Завещание Степана Пехотного (сборник стихов). Сегед: Tiszataj könyvek, 2001.

Хамваши, Бела. Предисловие к «Преступлению и наказанию». Вопросы литературы. 2002. № 1. С. 213–229.

Кертес, Имре. Английский флаг. По следам. Протокол (рассказы). М.: Текст, 2002.

Фюлеп, Лайош. Национальная самодостаточность; Бабич, Михай. О венгерском характере (сокр.); Секфю, Дюла. Духовная общность Дунайского края; Хам-

- ваш, Бела.* Пять гениев (сокр.); *Месей, Миклош.* Соревнование литератур: равенство шансов или гандикап? (Взгляд из Центральной Европы); *Конрад, Дёрдь.* О памяти и забвении. Венгры и Европа: сборник эссе / сост. В. Серeda, И. Горетич. М.: Изд-во НЛЮ, 2002.
- Кович К.* Два сонета (перевод со словенского). Иностранная литература. 2002. № 12. С. 147–148.
- Конрад, Дёрдь.* Соучастник (роман). М.: Языки славянской культуры, 2003.
- Ийеш, Дюла.* Гунны в Париже (фрагменты романа). Иностранная литература. 2003. № 7. С. 91–185.
- Кертес, Имре.* Кадиш по нерожденному ребенку (роман). М.: Текст, 2003.
- Кёрёши, Золтан.* Тайны над руинами. Роман. Будапешт: Pont, 2003.
- Каняди, Шандор.* Грива и череп. Из писем отцу. Еретические депеши. Вертикальные кони. Газ, электричество, водопровод... Хорошо бы. Желание. Пасхальный агнец (стихи). *Каняди Ш.* Избранные стихотворения / сост. и ред. пер. Е. Малахина. М.: Радуга, 2004.
- Хамваш, Бела.* Scientia Sacra (Священное знание). М.: Три квадрата, 2004.
- Надаш, Петер.* Дневники Томаса Манна. Хелен. Три угла треугольника. Большое рождественское убийство. Гражданин мира и козлице. Альтернатива изоляции. Тайные закрома расизма. Тренинги свободы (эссе). *Надаш П.* Тренинги свободы: избранные эссе / ред.-сост. В. Серeda. М.: Три квадрата, М., 2004.
- Кертес, Имре.* Без судьбы (роман). М.: Текст, 2004.
- Бодор, Адам.* Зона Синистра (повесть). М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Саваи, Геза.* Грустный спектакль без аплодисментов (роман). Будапешт: Pont, 2005.
- Кертес, Имре.* Самоликвидация (роман). М.: Текст, 2005.
- Йожеф, Аттила.* Пляска бликов у костра. Два горьких вдоха. Ромашка. Арань. Лесоруб. Скажи, что зреет... Ночь городской окраины. Без надежды. Элегия. Ода. Будь глупым. Балатонсарсо. Сгружают дрова. Два гекзаметра. Я видел дивную розу. Вот край, где я совсем как дома... (стихи); *Curriculum vitae.* Из переписки Аттилы Йожефа. *Йожеф А.* На ветке пустоты. Стихи, письма, документы. М.: Три квадрата, 2005.
- Далаш, Дёрдь.* Обрезание (роман). М.: Текст, 2006.
- Лукач, Дёрдь.* Большевизм как моральная проблема. *Лукач Д.* Политические тексты. М.: Три квадрата, 2006. С. 5–14.
- Киш, Янош.* Дилемма Дёрдя Лукача. *Лукач Д.* Политические тексты. М.: Три квадрата, 2006. С. 265–334.
- Еврейское остроумие = Der Judische Witz / сост. З. Ландман. М.: Текст, 2006. С. 7–382. (С немецкого яз.).
- Балашши, Балинт.* Первое. Aenigma; Второе. На имя Кристины; Двадцатое. Somnium proronit; Тридцать шестое. Поступает Венера...; Сорок седьмое. Item inventio poetica; Пятьдесят девятое. Пришла другая: на имя Жофи. *Балашши Б.* Стихотворения / подгот. Н.И. Балашов, Ю.П. Гусев, И. Хорват. М.: Наука, 2006. (Серия: Литературные памятники).

- Краснахоркаи, Ласло.* В сумрачном лесу (из книги «Пленник Урги»). Иностранная литература. 2007. № 12. С. 12–29.
- Вайсенштайнер Ф.* Жены гениев. М.: Текст, 2008. (С немецкого яз.).
- Габор Т. Санто.* Обратный билет. М.: Текст, 2008.
- Драгоман Д.* Белый король. Главы из романа. Иностранная литература. 2008. № 7. С. 134–176.
- Кёльчеи, Ференц.* С перехваченным горлом. Песня девы (стихи). Иностранная литература. 2009. № 12. С. 120–121.
- Далош, Дёрдь.* Гость из будущего. Анна Ахматова и сэр Исайя Берлин. История одной любви. М.: Текст, 2010.
- Силади, Иштван.* Камень в сухом колодце. Фрагменты романа. Иностранная литература. 2010. № 5. С. 105–160.
- Сабо, Лёриуц.* Материализм. Случай. Сепаратный мир (стихи). Иностранная литература. 2010. № 8. С. 61–66.
- Силади, Иштван.* Камень в сухом колодце (роман). М.: Водолей, 2010.
- Шпиро, Дёрдь.* Неволя. Глава из романа. Звезда. 2011. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2011/3/nevolya.html> (дата обращения: 04.04.2023).
- Петер, Фаркаш.* Восемь минут (повесть). Иностранная литература. 2011. № 5. С. 70–127.
- Мадач, Имре.* Трагедия человека / подгот. изд. и примеч. Ю.П. Гусева. М.: Наука, 2011. (Серия: Литературные памятники).
- Керени, Карой.* Чудесный олень. Вергилий, поэт искупительного рубежа тысячелетий. Дух римской литературы. Бессмертие и культ Аполлона. Сатира и сатура. Вечная Антигона. Horatius noster. Наука о Древнем мире (эссе). *Керени К.* Мифология. М.: Три квадрата, 2012.
- Бёсёрмени, Золтан.* Регал (роман). М.: Водолей, 2012.
- Пилински, Янош.* Сказки. М.: КомпасГид, 2012.
- Лауфи, Янош.* Точки контакта. Песня-лавина. Я заглянул в трамвайное депо... Сам себе. Жажда терпения. Всё меньше (стихи). Иностранная литература. 2012. № 9. С. 144–151.
- Хаи, Янош.* Парень (роман). М.: Центр книги Рудомино, 2013.
- Надь, Абони Мелинда.* Взлетают голуби (роман). М.: Текст, 2013. (С немецкого яз.).
- Сёч, Геза.* Распутин: миссия (пьеса). Иностранная литература. 2014. № 8. С. 222–256.
- Дёни, Геза.* Пусть хотя бы на день (стихотворение). Иностранная литература. 2014. № 8. С. 125–127.
- Вашади, Петер.* Молитва, обращенная к человеку. Розы на стенах; *Торнаи, Йозеф.* В тени пирамидальных тополей. Мы здесь его услышим; *Юхас, Ференц.* Влюбленная зимняя сказка. Человек-арфа; *Каняди, Шандор.* Из цикла «Еретические Денеши» (Встреча. Сказка о романе. Небрежный сонет); *Чоори, Шандор.* Терпкий запах земли. Цветут каштаны. Утро в саду; *Калас, Мартон.* Высший смысл. Родина; *Буда, Ференц.* Delete. Молитва на рассвете; *Аг, Иштван.* Та, что была первой музой моей. Остановленное мгновение; *Лежак, Шандор.* А те ушли смотреть Спасителя; *Филип, Тамаш.* Магиче-

- ское изгнание. Поезд в глухомань; *Хаи, Янош*. Отец. Когда за сорок; *Лауфи Янош*. Песня-лавина. Все меньше. Сам себе; *Сентмартони, Янош*. Моя ARS ROETICA. О себе в интерьере; *Янку, Лаура*. Завеса. Рождение. Где-то ждет; *Уги, Сабина*. Пятница. Неведомой сути забытые грани... Из современной венгерской поэзии / сост. и предисл. Я. Сентмарони. М.: Центр книги Рудомино, 2015.
- Хаи, Янош*. Писательница (рассказ). Иностранная литература. 2015. № 12. С. 50–52.
- Хаи, Янош*. Путевые очерки: Индия; Швейцария. Иностранная литература. 2017. № 4. С. 243–268.
- Микеш, Келемен*. Турецкие письма / отв. ред. Ю.П. Гусев. М.: Наука, 2017. (Серия: Литературные памятники).
- Арань, Янош*. Валлийские барды (баллада). Иностранная литература. 2017. № 12. С. 142–149.
- Сёч, Геза*. На Солнце. Из дневника космонавта. Тот, кем ты будешь. Коложварский ноттог. Ночь в Уэльсе. Индейские слова, прозвучавшие по радио (стихи). Иностранная литература. 2018. № 3. С. 166–170.
- Ленард, Шандор*. Один день в невидимом доме (фрагменты романа). Иностранная литература. 2018. № 6. С. 137–252.
- Хаи, Янош*. Подземный гараж (роман). М.: Текст, 2018.
- Бёсёрмени, Золтан*. Сиротство (роман). М.: Водолей, 2019.
- Чери, Лили*. Годы, о которых полагалось молчать (роман). М.: Три квадрата, 2019.
- Сёч, Геза*. Страсти Христовы. Мистерия; Киллер и Маэстро (аудиопьеса); Распутин: миссия. Драма в трех действиях. *Сёч Г.* Небесное и земное. Проза. Драматургия. М.: Три квадрата, 2019.
- Кун, Арпад*. Счастливый Север (фрагменты романа). Иностранная литература. 2020. № 8. С. 3–48.
- Бёсёрмени, Золтан*. Морфемы мысли (сборник стихов). М.: Водолей, 2020.
- Фаркаш, Петер*. В Люксембургском саду навсегда (повесть). Иностранная литература. 2021. № 2. С. 3–43.
- Фаркаш, Петер*. Европейское мягкое порно, лебедь Грига и свободная воля (эссе). Иностранная литература. 2022. № 7. С. 262–268.
- Кунц, Аладар*. Черный монастырь. Записки интернированного (роман). М.: Три квадрата, 2022.

Список основных работ Юрия Павловича Гусева

- Современная венгерская литература в контексте литератур социалистических стран Европы: динамика художественного конфликта (монография). М.: Наука, 1987.
- Венгерская проза в эпоху «великого эксперимента». Современное венгерское искусство и литература / отв. ред. И.Е. Светлов. М.: Б. и., 1991.
- Грани диссидентства. Вопросы литературы. 1993. № 4. С. 129–148.

- История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны / отв. ред. В.А. Хорев. М.: Индрик, 1995–2001. Т. 1–2. (*Член авторского коллектива*).
- Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика / отв. ред. О.В. Хаванова. М.: Наука, 1997. (*Член авторского коллектива*).
- Вечные образы и развитие художественного конфликта. Вечные образы и сегодняшние проблемы в литературах Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. И.А. Бернштейн. М.: Наследие, 1997. С. 33–50.
- И все-таки реализм... Вопросы литературы. 1999. № 4. С. 220–246.
- Роскошь в нищете (Размышления по поводу вышедшей за рубежом книги о русской литературе). Вопросы литературы. 1999. № 5. С. 93–107.
- Диссидентство в Венгрии: от фрондерства к политической позиции. Политика и поэтика / отв. ред. Ю.В. Богданов. М.: Институт славяноведения РАН, 2000. С. 138–143.
- Дело Гердера живет и побеждает, или Готовьте белые саваны, братья русичи! Вопросы литературы. 2000. № 4. С. 336–348.
- Дождавшись свободы (дилемма «поэт–гражданин» в постсоциалистическую эпоху). Вопросы литературы. 2001. № 4. С. 223–238.
- Альтернативный взгляд на мир. Вопросы литературы. 2002. № 1. С. 206–212. (См. также: Академические тетради. 2006. Вып. 12. Тетрадь шестая: История литературы. URL: <http://www.independent-academy.net/science/tetradi/12/gusev.html> [дата обращения: 02.04.2023]).
- Знак Освенцима: о творчестве Имре Кертеса, лауреата Нобелевской премии по литературе. Вопросы литературы. 2003. № 3. С. 124–151.
- Война и авангард (на материале русской и венгерской литературы). Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян / отв. ред. Л.Н. Будагова. М.: Институт славяноведения РАН, 2004. С. 285–294.
- Фольклоризм в современной венгерской поэзии. Венгры и их соседи по Центральной Европе в Средние века и Новое время (памяти Владимира Павловича Шушарина) / отв. ред. А.С. Стыкалин. М.: Институт славяноведения РАН, 2004. С. 260–288. (Центральноевропейские исследования. Вып. 1).
- О творчестве Имре Кертеса, лауреата Нобелевской премии по литературе за 2002 г. Венгерское искусство и литература XX века: Сборник статей российских и венгерских ученых / отв. ред. и сост. И. Светлов, В. Середя. СПб.: Алетейя, 2005. С. 460–481.
- Литература перед лицом Апокалипсиса (геноцид как рецепт всеобщего счастья). Итоги литературного развития в XX веке в проблемно-типологическом освещении: Центральная и Юго-Восточная Европа / отв. ред. Ю. В. Богданов. М.: Индрик, 2006. С. 148–177.
- Балинт Балашши. «Как птица воспарю и в песне воспою...» Стихи. Перевод с венгерского. Вступление Ю. Гусева. Иностранная литература. 2006. № 4. С. 221–226.
- Литература и глобализация: к вопросу идентичности в культурах Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху глобализации = Literatura in globalizacija: k vprašanju identitete v kulturah centralne in jugovzhodne Evrope v času globalizacije: zbornik / ured. M. Javornik. Ljubljana: Znanstvenoraziskovalni inštitut Filozofske fakultete, 2006. (*Член авторского коллектива*).

Цена победы, цена поражения. Осмысление Второй мировой войны в венгерской литературе последних десятилетий. Опыт истории — опыт литературы. Вторая мировая война. Центральная и Юго-Восточная Европа / отв. ред. С.А. Шерлаимова. М.: Наука, 2007.

Дёрдь Лукач: взгляд из сегодня. Вопросы литературы. 2007. № 6. С. 118–130.

XX век. Русская литература глазами венгров. Венгерская литература глазами русских / отв. ред. Ю.П. Гусев. М.: Институт славяноведения РАН, 2007. (*Ответственный редактор, автор разделов «Пророк в своем отечестве (О повести Ференца Шанты «Предатель»» (С. 68–78), «Интеграция и дезинтеграция или Постсоциализм с человеческим лицом (Грезы)» (С. 313–317))*).

«Венгрия», «Лайош Вайда», «Тибор Дери», «Аттила Йожеф», «Дюла Ийеш», «Лайош Кашшак», «Ма», «Документум», «Бела Хамваш». Энциклопедический словарь сюрреализма / отв. ред. Т.Балашова, Е.Д. Гальцова. М.: Наука, 2007.

Inter arma. Цена победы — цена поражения. Осмысление Второй мировой войны в литературе последних десятилетий. Вопросы литературы. 2007. № 4. С. 242–262.

«Бела Хамваш», «Имре Мадач», «Гермес Трисмегист». Культурология. Энциклопедия в 2 томах / гл. ред. и автор проекта С.Я. Левит. М.: РОССПЭН, 2007.

«Культурный ландшафт» XX века. «Без судьбы» Имре Кертеса. Ландшафты культуры. Славянский мир / отв. ред. И.И. Свирида. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 176–190.

«Трагедия человека» Имре Мадача: между Богом и Люцифером. Гетевские чтения 2004–2006 = Goethe studien, 2004–2006 / под ред. Г.В. Якушевой. М.: Наука, 2007.

«Трагедия человека» Имре Мадача: сюжет и жанр. Средняя Европа. Проблемы международных и межнациональных отношений. XII–XX вв. Памяти Т.М. Исламова / отв. ред. А.С. Стыкалин. СПб.: Алетей, 2009. С. 145–150.

Казус Лукача. Вопросы литературы. 2009. № 1. С. 5–8.

Достоевский глазами Д. Лукача. Вопросы литературы. 2009. № 1. С. 34–54. (См. также: Россия и русская литература в современном духовном контексте стран Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. И.Е. Адельгейм, Ю.П. Гусев. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. С. 42–66).

Современное венгерское литературоведение и литература (к вопросу о преемственности постмодернизма и авангарда). Литературоведение и критика Центральной и Юго-Восточной Европы конца XX — начала XXI века. Идеи, методы, подходы / отв. ред. Н.Н. Старикова. М.: Институт славяноведения РАН, 2011.

Литературный авангард и его место в венгерской литературе XX века. Актуальные вопросы финно-угроведения и преподавания финно-угорских языков и литератур. Доклады Международной научной конференции, посвященной 40-летию преподавания венгерской и финской филологии на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова 17–19 ноября 2010 года / редкол. Н.С. Братчикова, А.П. Гуськова. М.: Изд-во Московского университета, 2011.

Имре Мадач и его «Трагедия человека». *Мадач Имре*. Трагедия человека / подг. Ю.П. Гусев. М.: Наука, 2011. (Серия: Литературные памятники).

- Образы России в творчестве классика венгерской литературы Мора Йокаи. Размышления над книгой. Славяноведение. 2013. № 1. С. 60–67.
- Madách Imre és műve, “Az ember tragédiája”. XX. Madach Szimpoziom / szerk. K. Bene, Z. Mate. Szeged; Balassagyarmat: Madách Irodalmi Társaság, 2013.
- Ференц Ракоци, писатель. Освободительная война 1703–1711 гг. в Венгрии и дипломатия Петра I / отв. ред. О.В. Хаванова. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 191–198.
- Поэзия здесь и сейчас. Стефанос. 2013. № 2. С. 253–270. URL: http://stephanos.ru/izd/2013/2013_2_21.pdf (дата обращения: 02.04.2023).
- Особенности венгерской литературы 60-х годов XX века. Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е... Экономика, политика, культура: сборник статей / отв. ред. Т.В. Волокитина. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 446–453.
- Традиции культурных взаимосвязей между Польшей и Венгрией в XVI–XXI вв. Amicus Poloniae. Памяти Виктора Хорева / отв. ред. Н.Н. Старикова. М.: Индрик, 2013. С. 145–150.
- Диссиденты и диссидентствующие. Зинзивер. 2014. № 1 (57). URL: <http://www.zinziver.ru/publication.php?id=9328> (дата обращения: 02.04.2023).
- Поэзия здесь и сейчас. Зинзивер. 2014. № 2 (58). URL: <http://www.zinziver.ru/publication.php?id=10052> (дата обращения: 02.04.2023).
- Йожеф Этвеш и Николай Гоголь. Славяноведение. 2014. № 6. С. 15–20. (Опубликовано также в: Slavica: Annales Instituti Slavici Universitatis Debreceniensis. 2013. T. XLII. P. 69–76).
- Диссиденты и диссидентствующие. Инакомыслие в условиях «реального социализма». Поиски новой государственности. Конец 60-х — 80-е гг. XX в. / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 610–625.
- Конфликт «низов» и «верхов» в венгерской литературе наших дней. Художественный ландшафт «нулевых». Литературы Центральной и Юго-Восточной Европы в начале XXI века / отв. ред. Н.Н. Старикова. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 112–138.
- Статьи: Балинт Балашши (С. 50–57), Михай Вёрешмарти (С. 94–111), Ференц Кёльчеи (С. 112–117), Шандор Петефи (С. 118–127), Янош Арань (С. 138–145), Мор Йокаи (С. 146–153), Имре Мадач (С. 154–161), Кальман Миксат (С. 162–165), Лайош Кашшак (С. 236–243), Дюла Ийеш (совместно с Н. М. Куренной) (С. 262–271), Тибор Дери (С. 298–309), Ференц Шанта (С. 322–329), Дёрдь Конрад (С. 350–355), Имре Кертес (С. 376–386). История венгерской литературы в портретах / отв. ред. Ю.П. Гусев (совместно с А.С. Стыкалиным и О.В. Хавановой). М.: Индрик, 2015.
- Война, победа, поражение. Взгляд с той стороны (Вторая мировая война в венгерской литературе). Славянский альманах. 2015. № 3–4. С. 253–262.
- Переводимость и непереводаемость поэзии (с привлечением венгерского материала). Художественный перевод и его роль в литературном процессе Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. И. Е. Адельгейм. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. С. 217–230.
- Рецензия на: П. НАДАШ. Книга воспоминаний. Роман. Тверь, 2014. 769 с. Славяноведение. 2017. № 5. С. 98–102.

- Воланд в Будапеште. Михаил Булгаков и славянская культура / отв. ред. Е.А. Яблоков. М.: Совпадение, 2017. С. 314–326.
- Постмодернизм без берегов? Преемственность как фактор литературного процесса. Опыт Центральной и Юго-Восточной Европы (по материалам I Хоревских чтений) / отв. ред. И.Е. Адельгейм. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 26–38. (Серия: Современные литературы стран Центральной и Юго-Восточной Европы).
- «Турецкие письма» Келемена Микеша (Имагологический аспект). Славяноведение. 2018. № 2. С. 83–93.
- Лайош Мештерхази: от финала к дебюту. Иностранная литература. 2018. № 4. С. 252–261.
- Статьи «О Яноше Хай», «Об Иштване Силади». Прочтение. География: интернет-журнал. 2018. Вып. 2. URL: http://prochтение_geography_hungary.tilda.ws/ (дата обращения: 02.04.2023).
- Факт и вымысел в литературном произведении (на материале исторических романов Дёрдя Шпиро). Вектор *non-fiction* в современных литературах Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. Н.Н. Старикова. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 248–267. (Серия: Современные литературы стран Центральной и Юго-Восточной Европы). <https://doi.org/10.31168/0411-4.5.1>
- «Книга Грабала» венгерского писателя Эстерхази. Славянский сборник: язык, литература, культура / отв. ред. Н.Е. Ананьева, О.А. Остапчук, Е.И. Якушкина. М.: МАКС Пресс, 2018.
- Аристократия и национальная история. Последние романы Петера Эстерхази. Память vs история. Образы прошлого в художественной практике современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы (по материалам II Хоревских чтений) / отв. ред. И.Е. Адельгейм. М.: Институт славяноведения РАН, 2019. С. 77–94. (Серия: Современные литературы стран Центральной и Юго-Восточной Европы). <https://doi.org/10.31168/2618-8554.2019.2.1>
- Возможности реализма (размышления в связи с «новым» романом Лайоша Мештерхази). Славянский альманах. 2020. № 3–4. С. 399–411. <https://doi.org/10.31168/2073-5731.2020.3-4.4.06>
- Журнал «Беселё». Литературно-критическая периодика в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: структура, типология, социокультурный контекст / отв. ред. Л.Ф. Широкова. М.: Институт славяноведения РАН, 2020. С. 65–77. (Серия: Современные литературы стран Центральной и Юго-Восточной Европы). <https://doi.org/10.31168/2618-8554.2020.03>
- Символизм и авангард в венгерской литературе начала XX века (в сопоставлении с опытом русской литературы). Славяноведение. 2020. № 5. С. 74–88. <https://doi.org/10.31857/S0869544X0011093-5>
- Феномен поколений в русской и венгерской литературной практике XX–XXI веков / ред. Ю.В. Матвеева, Д.В. Спиридонов. Екатеринбург: Издательство УрФУ; СПб.: Алетейя, 2022. (Автор разделов «Этюд о поколениях в венгерской литературе XX века» (С. 298–302); «Венгерский литературный авангард глазами современного поколения венгерских литературоведов и писателей» (С. 303–315)).